

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

**ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Магистерская диссертация
обучающегося по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция
программа «Гражданское право, семейное право,
международное частное право»
заочной формы обучения, группы 01001560
Каменевой Аси Валерьевны

Научный руководитель
к.ю.н., доцент
Зинковский М.А.

Рецензент
мировой судья судебного
участка №5 Восточного округа
г. Белгорода
Боровкова И.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Правопреемство в российском праве	
§1.1. Понятие правопреемства.....	12
§1.2. Соотношение понятий «перемена лиц», «передача прав» и «правопреемство».....	20
ГЛАВА 2. Универсальное правопреемство по российскому гражданскому праву	
§2.1. Особенности правопреемства при реорганизации юридических лиц.....	34
§2.2. Наследственное правопреемство	43
ГЛАВА 3. Сингулярное правопреемство в обязательствах по российскому гражданскому праву	
§3.1. Основания сингулярной перемены лиц в обязательстве в системе сделок по современному российскому гражданскому праву.....	54
§3.2. Договор уступки требования (цессия).....	69
Заключение	83
Список использованной литературы	87

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обязательственные правовые отношения не рассчитаны на неопределенно продолжительное существование, поскольку, даже в течение самого короткого срока действия обязательства с каждой из его сторон могут произойти события, которые, безусловно, могут отразиться на судьбе самого правоотношения. Очевидно, что на судьбе обязательства отразятся далеко не все жизненные перипетии его участников, поскольку юридическое понятие обязательства нацелено сохранять свою силу, несмотря, ни на временные денежные затруднения, ни на болезнь участника обязательства, ни на смену его настроения и иные показатели, которые, по общему правилу, не влияют, ни на условия, ни на действие, ни на существование самих обязательств.

Тем не менее, в реальности бывают обстоятельства, связанные с качественным изменением его субъектного состава, при которых сохранение обязательства в прежнем виде просто невозможно. К примеру, смерть гражданина, выступающего должником или кредитором в данном обязательстве, реорганизация, либо банкротство юридического лица, являющегося стороной обязательства и т.д. В подобных случаях неподдельный интерес представляет судьба затронутых такими обстоятельствами отношений в будущем.

В теории и законотворческой практике перечисленные вопросы решаются различными способами, в зависимости от обстоятельств отдельно взятого случая и социально-экономических условий развития существующего общества. Значительное влияние на решение таких вопросов оказывает, прежде всего, время, поскольку с течением времени меняется содержание воззрений на само юридическое понятие обязательства в отдельности.

Если ранее обязательство имело исключительно личный характер и прекращалось, как со смертью кредитора, так и со смертью должника, то на

сегодняшний день, подобная ситуация не считается общим правилом, а, напротив, может произойти только в отношении очень ограниченного круга обязательств строго личного характера (алиментного обязательства, обязательства возмещения вреда здоровью, оказания личных услуг и т.п.). Сущность всех иных обязательств, не являющихся строго личными, остается в прежнем виде. Подобное сохранение возможно благодаря существованию, известного нам со времен римского права, института преемства.

В современной науке не существует единственно верного подхода к пониманию рассматриваемого явления, что существенно осложняет эффективную реализацию преемства при реализации отдельно взятых практических задач. Данное обстоятельство, на наш взгляд, явно свидетельствует о потребности проведения в настоящей работе дополнительного исследования преемства как института гражданского права.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с универсальным и сингулярным преемством.

Предметом исследования служат нормы гражданского права и смежного законодательства, направленные на регулирование отношений преемства.

Целью работы является комплексное теоретическое исследование положений действующего законодательства, мнений ученых-цивилистов, существующей судебной и правоприменительной практики касательно вопросов общественных отношений, возникающих в связи с передачей прав, выявления имеющихся недостатков правового регулирования изучаемой области отношений и формулирование предложений по совершенствованию российского законодательства, регламентирующего институт преемства.

Для достижения обозначенной цели в магистерской диссертации были обозначены следующие **задачи**:

- исследование понятия «преемства» и его видов;

- определение соотношения понятия «правопреемства» со смежными понятиями;
- изучение правовой регламентации и особенностей универсального правопреемства;
- выявление характерных особенностей правового режима сингулярного правопреемства;
- формулировка предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего вопросы правопреемства.

Методологическая основа исследования. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания: диалектический, формально-логический, системный, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, а также частные методы: исторический, сравнительно-правовой, технико-юридический, системного анализа, формально-логический и др.

Теоретической основой магистерской диссертации явились научные труды известных авторов: Д.Б. Абушенко, В.А. Белова, Гонгало Ю.Б., М.В. Гордона, В.П. Грибанова, С.П. Гришаева, Д.В. Носова, В.Н. Серебровского, М.В. Телюкиной, Г.Ф. Шершеневича и других.

Нормативную правовую базу исследования составили акты различной юридической силы, содержащие нормы, регулирующие отношения правопреемства, а именно: Конституция Российской Федерации¹, Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая², вторая³ и третья⁴) и др. Помимо этого, автором приводятся примеры судебной

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301;

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

практики, опубликованные в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ и др.

Научная новизна заключается в том, что в магистерской диссертации представлено научное исследование отдельных теоретических аспектов правопреемства в российском праве. Раскрыто понятие правопреемства, соотношение понятий «перемена лиц», «передача прав» и «правопреемство», подробно раскрыто содержание универсального и сингулярного правопреемства, их особенности и отличия.

По результатам проведенного исследования **на защиту диссертантом выносятся следующие положения:**

1. Явление правопреемства достаточно давно известно российской цивилистике и пришло к нам из римского права. На сегодняшний день сформировалась двойственность подходов к пониманию данного явления. Правопреемство рассматривают как переход прав и как прекращение одного правоотношения и возникновение другого, причем существует дифференциация данного понятия на уровне отраслей права, а также на уровне объекта правоотношения.

2. Существующие концепции позволяют рассматривать понятие «правопреемство», как в широком, так и в узком значении. В широком смысле о правопреемстве, как о юридической фикции допустимо говорить в каждом случае возникновения субъективных прав и обязанностей при переходе имущества от правопредшественника к правопреемнику. В этом случае речь будет идти о преемственности в правах и обязанностях, с методологической точки зрения термин «правопреемство» уместно использовать, как в вещных, так и в обязательственных правоотношениях. В узком представлении правопреемство объединяет производные способы приобретения вещных прав.

3. В гражданском праве традиционно принято подразделять правопреемство на универсальное и сингулярное. Критерием разграничения правопреемства на универсальное и сингулярное выступает объем

передаваемых прав и обязанностей, причем объем этот определяется в соотношении к совокупности всех прав и обязанностей. Таким образом, от вида правопреемства зависит решение важных вопросов, связанных, во-первых, с определением судьбы прав и обязанностей, которые подлежат преемству, а во-вторых, с установлением личности правопреемника. Именно поэтому соотношение универсального и сингулярного правопреемства имеет во многом ключевое значение как для теории гражданского права, так и для правоприменительной практики.

4. Примером универсального правопреемства выступает реорганизация юридических лиц в форме слияния, присоединения и преобразования. Однако в настоящее время отсутствует единство представлений об отнесении реорганизации юридических лиц в формах разделения и выделения также к случаям универсального правопреемства. На наш взгляд, необходимо положительно решить данный вопрос, поскольку такая реорганизация обладает ключевыми особенностями, которые присущи лишь универсальному правопреемству, как-то: единство прав и обязанностей, ответственность по долгам правопреемника и т.д. Отнесение же указанных форм к случаям частного правопреемства приводит, во-первых, к раздроблению форм, в которых может происходить реорганизация, а во-вторых, к размыванию сущности универсального правопреемства, состоящей в главенстве признака единства прав и обязанностей. Иное, как показывает практика, влечет за собой неблагоприятные последствия, в том числе в форме разного рода злоупотреблений, недопустимых с учетом принципа добросовестности.

5. Наследственным правопреемством называется единовременный посмертный переход всех частных прав и обязанностей, принадлежавших физическому лицу (наследодателю), к одному или нескольким иным лицам, за которыми по основаниям, установленным законом, признана способность к вступлению в соответствующие правоотношения – к наследникам, подлежащим призванию к наследованию. Вывод об универсальном характере

наследственного правопреемства является доминирующим и в теоретических разработках отечественных ученых, однако далеко не все цивилисты признают проведение принципа универсального правопреемства в наследственном праве России.

6. Ознакомление с нормами раздела V «Наследственное право» ГК РФ показывает, что содержание их несколько шире названия. Наряду с нормами о собственно наследовании – универсальном посмертном правопреемстве в нем встречаются правила и об иных случаях правопреемства, тоже посмертного, но не универсального. Таково преемство в выморочном имуществе (ст. 1151 ГК РФ) и различные случаи правопреемства сингулярного, в т.ч. преемства легатарного и модального (ст. 1137 - 1140 ГК РФ), а также преемства в требованиях выплаты сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию. Ни один из этих случаев не является правопреемством наследственным.

В свете сказанного выше логично было бы назвать изменить название раздела V Гражданского кодекса РФ с «Наследственное право» на «Посмертное правопреемство». Конечно, основную массу его норм по-прежнему будут составлять нормы о правопреемстве наследственном (универсальном), но наряду с ними достойное место займут и правила об иных, особых сингулярных формах правопреемства посмертного, но при этом не наследственного.

7. Отсутствие четкого законодательного регулирования понятия «основание наследования» допускает различные варианты его толкования, что привело к формированию различных точек зрения и отсутствию единообразной нотариальной практики также по следующему вопросу: может ли наследник, отказавшийся от обязательной доли, претендовать на причитавшееся ему по закону незавещанное имущество.

Неясность возникает и в отношении вариантов принятия наследства наследником, в пользу которого сделан отказ от наследства (п. 1 ст. 1158 ГК РФ). Во избежание размывания понятия «основания наследования» нужно

удалить из текста ст. 1152, 1158 ГК РФ открытый перечень таких оснований. Аналогичным образом предлагается изменить текст п. 3 ст. 1158 ГК РФ, изложив его в следующей редакции:

«Отказ от части причитающегося наследнику наследства не допускается. Однако если наследник призывается к наследованию одновременно по завещанию и по закону, он вправе отказаться от наследства, причитающегося ему по одному из этих оснований или по всем основаниям.

При призвании наследника к наследованию одновременно в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия наследства наследник может отказаться от наследства, причитающегося ему в порядке наследственной трансмиссии и (или) в результате открытия наследства».

8. Устоявшиеся представления относительно процессуального правопреемства как рефлекса перехода права в материальном правоотношении необходимо пересмотреть применительно к сингулярному материальному преемству с учетом правового значения процессуального оформления в виде обращения с ходатайством о процессуальном правопреемстве и вынесения соответствующего определения судом.

Существующая практика должна быть изменена в сторону включения процессуального оформления в корпус распорядительной сделки цессии (перевода долга). Помимо прочего, в этом случае было бы исключено появление противоречивых судебных актов, связанных с разрешением разногласий между субъектами при осуществлении процессуального правопреемства.

С этой целью в ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ необходимо дополнить следующим положением:

«Первоначальная сторона выбывает из спорного или установленного решением суда правоотношения с момента вынесения судом определения о замене стороны на основании сингулярного материального правопреемства.

Суд отказывает в замене стороны на основании сингулярного материального правопреемства при отказе первоначальной или заменяющей стороны от производства замены».

Теоретическая значимость исследования. Положения магистерской диссертации, полученные выводы и предложенные рекомендации расширяют научные знания об институте правопреемства и могут быть использованы в преподавании дисциплины «Гражданское право» в высших образовательных учреждениях при подготовке лекций, практических занятий, а также послужить теоретической базой для дальнейшего изучения правовых проблем правопреемства.

Практическая значимость исследования. На основе проведенного научного исследования автор подготовил рекомендации, которые могут стать основой для внесения соответствующих изменений в российское законодательство, а также для формулирования указаний совершенствования судебной практики по рассматриваемым в работе вопросам.

Апробация результатов исследования. Магистерская диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Основные выводы и положения диссертационного исследования нашли свое отражение в следующих работах автора:

1. Каменева, А.В. Правопреемство в советской доктрине / А.В. Каменева; НИУ БелГУ // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. - Белгород, 2017. - Режим доступа: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/20758>.

2. Каменева, А.В. Рассмотрение процесса правопреемства в России в дореволюционный период / А.В. Каменева; НИУ БелГУ // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. - Белгород, 2017. - Режим доступа: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/20760>.

Структура магистерской диссертации обусловлена целями и задачами данного научного исследования и включает в себя введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список использованной литературы.

Глава 1. ПРАВОПРЕЕМСТВО В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

§ 1.1. Понятие правопреемства

В нынешней действительности изучению теоретических проблем правопреемства уделяется недостаточно внимания, несмотря на то, что институт правопреемства играет немаловажное значение в наследственных правоотношениях, при реорганизации юридических лиц и пр.

Используя исторический метод исследования важно выделить главные рубежи становления теории правопреемства в российской цивилистике.

Поскольку Российская школа цивилистики начала свое деятельное развитие примерно с середины XIX века, дореволюционные представления о переходе прав начинают складываться в конце XIX - начале XX веков. В 1832 году было опубликовано официальное собрание действующих нормативно-правовых актов как «Свод законов Российской Империи»¹. Несмотря на большой объем и связанную с этим сложность в обращении, создание данного «Свода» значительно повлияло на поступательное развитие отечественного гражданского права, включая и рассмотрение вопросов правопреемства. В указанном нормативном правовом акте правопреемство дифференцировалось в зависимости от подразделения вещей на движимые и недвижимые. Так, для недвижимого имущества применялся способ, называемый вводом во владение: «...судебный пристав в присутствии свидетелей и нового владельца осуществляет акт ввода: зачитывает акт укрепления, формирует вводный лист, который потом отмечается старшим нотариусом в реестре. Указанный в реестре день ввода считается началом передачи»². В отношении же движимого имущества «Свод» определял: «Движимое имущество могут быть приобретаемы законными способами без

¹ Ломидзе О.Г. Обязательственные права на вещи // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 35.

² Тордия И.В. Уступка права требования в гражданском праве // Налоги (газета). 2012. № 17. С.11.

каких-либо письменных актов по одним словесным договоренностям и соглашениям»¹.

Изучая опыт иностранных ученых, отечественные юристы практически не занимались рассмотрением происхождения института правопреемства непосредственно. За базовую модель была взята в основу теория, связывающая возникновение данного института с манципацией, являющейся древнейшим актом фиксации перехода права собственности от одного лица к другому. Под понятием манципации имеется в виду достаточно продолжительное действие определенного характера, заключающее в себе функцию передачи вещи (или же предмета, олицетворяющего вещь), в присутствии очевидцев и весовщика. В соответствии с римским законом, только после проведения указанного мероприятия вещь меняла владельца.

Как раз вышеописанная процедура стала точкой отсчета к двойственному восприятию правопреемства. С одной стороны, сделка с передаваемой вещью уже произведена, и проведение манципации необходимо исключительно для защиты нового владения от притязаний третьих лиц. Впрочем, сама процедура манципации рассматривалась учеными как олицетворение самого правопреемства, вернее реализация абстрактного перехода права в натуре. Впоследствии, при отказе от манципации в пользу традиции, право нового собственника стало возникать мгновенно, начиная с момента передачи вещи. Вместе с тем, некоторое время два института сосуществовали совместно.

В начале XIX века в зарубежной цивилистике двоякость представлений о правопреемстве окончательно вылилась в две теории о переходе прав. Первая расценивает правопреемство как процесс перехода прав, для которого характерны момент начала и окончания правопреемства, продолжительность во времени, сохранение самого права на вещь. Вторая же теория, наоборот, отвергает непосредственно сам процесс правопреемства и говорит о нем как о прекращении одного права и появлении нового.

¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. - М.: Статут, 2010. С. 35.

Доктрина правопреемства, в классическом ее понимании, целостно просматривается в научных исследованиях представителей немецкой исторической школы права, таких юристов, как - Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухты, И.Э. Кунце.

Б. Виндшейд, в свою очередь, наиболее полно разработал иную теорию, согласно которой характерно отрицание самого правопреемства.

Д.И. Мейер – один из первых, кто сделал акцент на важности структуры правопреемства, обратив внимание в отдельности на субъект, объект и акт приобретения¹.

Помимо этого, описанию правопреемства посвящал свои работы и Г.Ф. Шершеневич, который развил следующую формулу: заключение сделки между субъектами влечет за собой передачу права владения вещью, а одновременно и возникновение обязанности по передаче самой вещи, в дальнейшем при исполнении обязательства переходит право собственности². Таким образом, автор принял решение точной фиксации начала и окончания самого перехода прав, указав на заключение сделки как на начало процесса и реализацию возникшего обязательства как окончание.

Вместе с тем, и другие ученые приводили свои суждения об отсутствии правопреемства. Так, например, С.А. Муромцев придерживается точки зрения, что момент преемства не имеет никакого значения на практике, а порой даже игнорируется юристом. Преемство само по себе никак не призвано демонстрировать переход прав, напротив, оно говорит лишь о том, что новый субъект имеет ту же правовую защиту, что и предшественник³.

В этой связи можно сделать вывод, что в изучении процесса правопреемства подход отечественных ученых дореволюционного периода характеризуется двойственностью и расплывчатостью. Четко выделяют два отличных друг от друга понимания правопреемства. Процесс перехода прав

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. М.: Статут, 2003. Ч. 1. С. 829.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912. С. 358.

³ Муромцев С.А. Избранные труды. М.: Рос. полит. энцикл., 2010. С. 251.

рассматривается исключительно с точки зрения теоретико-правового метода исследования, никак не предпринимая усилий определить возникновение правопреемства.

По прошествии Октябрьской социалистической революции институт правопреемства испытывает значительные изменения, связанные с упразднением института частной собственности на землю. Таким образом, убрав землю из оборота, законодатель, практически, «решил» дилемму описания перехода прав на недвижимое имущество, а также закрыл тему «ввода во владение», наградив государство как субъекта всей широтой прав на землю. Законодатель отметил, что только право «пользования» может быть передано, что в полной мере не может считаться переходом прав. Фактически земля не может быть продаваема, дарима, закладываема, в связи с изъятием земли из оборота¹.

Советскому периоду отечественной цивилистики были присущи положения о различном содержании права собственности в зависимости от субъекта. Так, доминирующее и наилучшим образом обеспеченное право собственности принадлежало государству. Далее следуют кооперативные организации, а наиболее ограниченным правом собственности пользуются частные лица. В частности, кооперативные организации в противоположность частным лицам имели право владеть предприятиями с неограниченным количеством наемных рабочих². Следовательно, не нужно вести речь о процессе перехода прав, поскольку само право зависит от субъекта, а одно и то же право может быть разным, например, один субъект обладает им в «урезанном» виде, а второй, при получении идентичного права на ту же вещь, получает его целиком.

Доктрина правопреемства советского времени представляла собой процесс переноса непосредственного владения, поставленный в зависимость

¹ Бабаев В.К. Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2013. С. 19.

² Ватников Д.Ю. Развитие теорий о правопреемстве в отечественной цивилистике // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 10.

от формы собственности. Передача, как правило, представляется физической дачей и приемкой: это реальная сделка, но в тех случаях, когда приобретатель имеет все шансы реализовать овладение вещью (например, при сделках, предметом которых является стоящий на корню лес), – касательно способа передачи права собственности может быть заключено особое соглашение¹.

Этого положения придерживались многочисленные ученые-цивилисты того времени, такие как Б.Б. Черепахин, А.Г. Гойхбарг, О.С. Иоффе; Ю.К. Толстой.

Б.Б. Черепахин не раз обращал внимание на продолжительность данного процесса, утверждая, что «движение правоотношения начинается его возникновением и заканчивается его прекращением. В этих границах правоотношение существует и действует, причем его действие ограничивается во времени одним моментом (например, при купле-продаже за наличный расчет), а может длиться и в течение времени (например, при договоре имущественного найма). За период действия правоотношение может претерпеть различного рода изменения в содержании, либо в субъектном составе, сохраняя прочие свои черты, продолжая существовать в измененном виде»².

Обратим особое внимание на то, что при этом ученые различно расценивали момент перехода прав.

Так, О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой придерживались классической концепции, свидетельствуя о наличии двух систем перехода прав собственности: традиционной, при которой право возникает в момент передачи вещи, и консенсуальной, когда право на вещь возникает в момент заключения договора.

Во-первых, система традиции устанавливает единый момент перехода

¹ Абраменков М.С. Понятие и сущность наследования // Наследственное право. 2015. №1. С. 4.

² Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. - М.:Госюриздат, 2012. С. 67.

права собственности, независимо от того, определены ли вещи родовыми или индивидуальными признаками. Между тем, система соглашения не только исключает единство в определении перехода права собственности, но и заставляет отступать от нее в тех случаях, когда это вызвано потребностями гражданского оборота¹.

К 1964 году после того как был введен в действие Гражданский кодекс РСФСР мнение большинства цивилистов касательно вопроса преимуществ традиционной системы над консенсуальной меняется.

Так как право собственности у приобретателя появляется с момента передачи вещи, если иное не установлено законом или договором, норма о моменте перехода права собственности является диспозитивной. Это означает, что согласно соглашению сторон, либо по специальному закону переход права собственности на индивидуально-определенные вещи может произойти до или после передачи вещи, а на вещи, определенные родовыми признаками - после передачи вещи. Правоприменительная практики того времени обусловила изменение позиции ученых о преимуществах «традиции» над «соглашением».

Положения советского законодательства подтверждали вывод о том, что доктрина права представляла правопреемство в качестве процесса перехода прав от одного субъекта к другому.

Вместе с тем, субъект правоотношения начинает играть характерную роль для обозначения начала и окончания процесса перехода прав. Это происходит из-за отличий в понимании содержания права собственности у различных субъектов права. Отдельными учеными предлагается положение, согласно которому при определенных сделках, характеризующихся неравенством субъектов правоотношения, невозможно рассуждать о наличии правопреемства, только о переходе правовых оснований владения вещью. Содержание права собственности начинает быть зависимым от субъекта

¹ Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Основы советского гражданского законодательства // Правоведение. 1962. № 2. С. 59.

права. Отступаясь от преемственности по отношению к правовым теориям, получившим свое развитие в дооктябрьской цивилистике, советские ученые аргументировали правовую роль «социалистической национализации» в качестве формы возникновения права собственности, защищенного от требований прежних владельцев. Выдвигается тезис о модификации права собственности в момент перехода прав на имущество.

И только в постсоветской России отечественное право начало избавляться от идеологического прессинга. В это же время возникает огромное число правовых институтов, в той или иной степени влияющих на переход прав. Несмотря на это, в российской цивилистике сохраняется некая двойственность в понимании правопреемства: классическое понимание – процесс перехода прав от одного субъекта к другому и понимание, отрицающее сам факт данного перехода, а рассматривающее его как два абсолютно разных правоотношения.

Следовательно, в отечественной юридической мысли, невзирая на устоявшееся, отчетливое понимание правопреемства как института перехода прав и обязанностей, имеется разделение данного понятия на уровне отраслей права, а также на уровне объекта правоотношения. Научные теории строятся, беря за основу теорию о правопреемстве как переходе прав; как прекращении одного правоотношения и возникновении другого, другими словами, отрицании правопреемства.

Таким образом, по сей день в юридической науке нет единообразной теории о правопреемстве, во многом это связано с отказом современных ученых от комплексного взгляда на переход прав в рамках теории цивилистики и переходом к более узкому - отраслевому исследованию правопреемства.

Как правило, в гражданском праве принято разделять правопреемство на универсальное и сингулярное. Понятие универсального правопреемства прав и обязанностей начало свое формирование еще в наследственном праве, истоком которого являлось римское право, на базе представлений о

правопреемстве личности. Критерием разделения правопреемства на универсальное и сингулярное выступает объем передаваемых прав и обязанностей, в соотношении к совокупности всех прав и обязанностей. Решение таких вопросов, как определение судьбы прав и обязанностей, подлежащих правопреемству, а также установление личности правопреемника зависит непосредственно от вида правопреемства. Именно поэтому соотношение универсального и сингулярного правопреемства имеет важное значение и для теории гражданского права, и для судебной практики.

В случае, если от отчуждателя переходят все его права и обязанности в совокупности, то имеет место универсальное правопреемство, если же только часть - то сингулярное. В наследственном праве сингулярному правопреемству придают еще более узкое значение, отмечая, что при данном правопреемстве имеет место переход только прав, а не обязанностей¹.

При универсальном правопреемстве осуществляется переход всех прав и обязанностей, даже тех, которые могут возникнуть в будущем. При отсутствии полной определенности в составе имущества, при универсальном правопреемстве правопреемник должен приобрести все имущество в совокупности, в результате чего он приобретает даже те права и обязанности, о существовании которых не подозревал.

Следует отметить, что соотношение видов правопреемства в основном производится по количественному признаку. Так, например, Д.В. Носов дает следующую характеристику видам правопреемства: «...сингулярное правопреемство – это правопреемство в одном или нескольких (но не во всех) правоотношениях, в которых участвует конкретный субъект... а универсальное – замена субъекта во всех правоотношениях, в которых он участвовал...»².

Однако, на наш взгляд, указанная позиция представляется весьма

¹ Гражданское право: Учебник / Под. ред. проф. О.Н. Садикова. М.: Проспект, 2012. С. 32.

² Носов Д.В. Правопреемство (Теоретико-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 77.

неоднозначной. Такое понимание соотношения универсального и сингулярного правопреемства невольно приводит к мысли о том, что заранее правопреемство невозможно квалифицировать, т.е. невозможно определить, будет оно являться общим или частным. Так как на вопрос в скольких правоотношениях правопреемник заменит собой выбывшее лицо, можно ответить только после того, как процесс правопреемства будет окончен. При этом нельзя оставлять без внимания и тот факт, что, определяя объем правопреемства, правопредшественник может не полностью учесть взятые на себя обязанности, а также может заблуждаться относительно принадлежности того или иного имущества. Вместе с тем, в некоторых случаях ряд прав и обязанностей находится в «тесной» связи, что замена субъекта в определенных правоотношениях повлечет за собой неизбежную замену и в других связанных с ним правоотношениях. Неудивительно, что разграничение правопреемства на виды в основном по количественному признаку может повлечь за собой отдельные затруднения, так и сделать его абсолютно невозможным.

§ 1.2. Соотношение понятий «перемена лиц», «передача прав» и «правопреемство»

Вопрос о сути процесса правопреемства, о возможности его существования в целом, возникает, если изначально принять тезис о том, что субъективные права и юридические обязанности не относятся к числу категорий реальной действительности и не могут быть объектами правоотношений. В римском праве в качестве осмысления процесса правопреемства использовалась теория наследника, как продолжателя личности наследодателя¹. В настоящее время свое развитие получили три теории: теория перемены лиц-участников правоотношения, теория передачи

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник римского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Статут, 2005. С. 98.

(перехода) прав и теория замены (прекращения с последующим возникновением) прав.

Суть теории передачи отражается самим названием: субъективные права и юридические обязанности подобно вещам могут быть предметами вручения и принятия (сдачи-приемки). Актом передачи вещей «передаются» не только сами вещи, но и состояние владения ими, а также имеющие переданную вещь своим объектом вещные права¹.

Понятно, что единство терминов само по себе не означает единства обозначаемых ими понятий. Права не могут передаваться так, как передаются вещи; тем более, они не «переходят» так, как меняют своих владельцев вещи².

Известно, что субъективные права на вещи описываются через совокупность правомочий и качества, характеризующие процесс осуществления этих правомочий. Например, право собственности складывается из правомочий владения, пользования и распоряжения вещами, осуществляемых собственником «своей властью и в своем интересе», «наиболее абсолютным образом», «по собственному усмотрению»³. При этом право собственности право на само право собственности будет складываться из ряда правомочий: правомочия на собственные действия или бездействие; правомочия требования от обязанного лица активных действий или от обязанного лица воздержания от таковых; правомочия самостоятельного осуществления и защиты субъективного права⁴. Но если перед нами правомочия, входящие в состав всякого субъективного права, в том числе и в состав субъективного права собственности, то мы, выходит, так и не описали субъективного права на право, а, кроме того, пришли к следующему вопросу: зачем нужна категория «право на право». Чем правовое положение

¹ Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. С. 25.

² Покровский И.А. История римского права. М.: Статут, 2013. С. 27.

³ Гражданское право: Учебник / Отв. ред. проф. Суханов Е.А. М.: Волтерс Клувер, 2007. Т. 1.

⁴ Гришаев С.П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2016. С. 64.

собственника вещи отличается от правового положения лица, являющегося собственником права собственности на вещь. Чем правовое положение кредитора по определенному требованию отличается от правового положения собственника этого же требования. Подобные вопросы можно продолжать и усложнять¹.

Понятно, что проблемы остаются только теоретическими (отвлеченными) до тех пор, пока повода к их постановке не дает положительное законодательство. На примере ст. 209 ГК РФ, утверждающей, что в собственности может находиться любое имущество, ст. 128 ГК РФ, причисляющей к имуществу, среди прочих объектов, еще и имущественные права, указанную норму можно было бы разъяснить таким образом, что объектами права собственности могут быть не только вещи, но и имущественные права. Так получаются категории типа «собственник права собственности» или «кредитор права собственности»; «продажа» и «дарение» права. Закон о рынке ценных бумаг, объявив ценной бумагой «совокупность прав» (ст. 2, 16) в то же время говорит о праве собственности на ценные бумаги, т.е. – по существу, о праве собственности на права².

Таким образом, вопреки отечественному законодательству, имущественные права не могут и не должны быть относимы к разряду имущества. Имущественные права - это не имущество и вообще не объекты иных гражданских прав. Это значит, что имущественные права не обладают таким важным качеством, как их оборотоспособность в традиционном понимании, т.е. не могут передаваться и переходить от одного их обладателя к другому, как, в свою очередь, передаются и переходят материальные предметы (вещи).

Сущность теории перемены лиц заключается в трактовке процесса правопреемства как преемства не в правах, а в местах, занимаемых

¹ Новицкий И.Б. Очерки гражданского права. - М.: Статут, 2013.

² О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.11.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

субъектами правоотношений. Этот процесс следует обозначить терминами «перемещение» или «перемена лиц». Понятно, что по сути прежняя теория передачи, с разницей, в том, что объектом передачи в ней становятся не сами права и обязанности, а те качества, которые характеризуют их носителей и обладателей как субъектов определенных правоотношений (свойства лиц как субъектов определенных правоотношений или их места в этих правоотношениях)¹.

Наибольшее распространение в отечественной цивилистике получили теория передачи (обязательственных прав и долгов) и теория перемены лиц (в обязательстве), несмотря на свои недостатки². Еще Д.И. Мейер отмечал: «О перемене участника обязательства можно говорить только тогда, когда обязательство остается то же, но на место прежнего участника (хотя бы и отчасти только) становится другое лицо»³. С позиций взгляда на правопреемство в качестве процесса перемены лиц-участников гражданских правоотношений издана монография о правопреемстве в гражданском праве. «Перемена лиц в обязательстве» - название 24 главы действующего ГК РФ, руководствуясь данной концепцией, высказывают свою позицию ряд авторов современных учебников и комментариев.

Данная теория заметно отличается от двух предыдущих полным отсутствием любых аналогов вещной передачи, распространяемых на нерелевантные этому действию предметы. «Передачу» и «правопреемство» (преемство) как термины можно продолжать использовать, вопрос состоит в том, что за этими (традиционными) терминами должно быть сокрыто новое понятие. Насколько это понятие «иное» становится понятным не только из попыток приложения вещной передачи к правам, но из обратной операции – попытки приложения понятия, описывающего передачу прав, к передаче

¹ Клык Н.Л. Ценные бумаги как результат эволюции имущественных прав: монография // СПС «КонсультантПлюс». 2010.

² Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. - М.: Статут. 2012; Анненков К.Н. Система русского гражданского права. М.: Статут. 2000; Ярошенко К. Новое законодательство о наследовании // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 21.

³ Мейер Д.И. Избранные труд по гражданскому праву. М.: Статут. 2003. С. 58.

вещей. Сообразно с ним вещь, для того чтобы быть переданной, сначала должна быть уничтожена одним лицом с тем, чтобы немедленно возникнуть у другого. Понятно, что если в сфере отношений идеологических к этому не существует каких-либо препятствий, то в сфере материальных отношений об этом нечего и думать.

Таким образом, следует отметить, что теории передачи прав и перемены лиц в свое время утвердились в качестве доминирующих, но анализ научных работ по исследуемой проблематике не позволяет выделить конкретных оснований признания за названными теориями доминанты.

Теория передачи прав в целом не имела, да и не имеет по сей день никакого научного обоснования. Вместо него традиционно принимается обыкновенная констатация внешне наблюдаемого процесса – вовлечения обязательственных прав (требований) и обязанностей (долгов) в имущественный оборот. «Превратившись главным образом в имущественное отношение, обязательство вступило на путь циркуляции и само сделалось объектом оборота. Пока оно было чисто личной связью двух лиц, связью, проникнутой еще значительным эмоциональным элементом, ни о какой переуступке обязательства от одного лица к другому не могло быть речи. Но когда оно стало в руках кредитора правом на получение некоторой ценности из имущества должника, никаких препятствий для его перехода из рук в руки не существует: должнику все равно, кому платить. Право допускает переуступку требований и направляет свое внимание на то, чтобы создать более легкие формы для их циркуляции»¹.

«При оживленном хозяйственном обороте представляет большое значение подвижность имущественных прав, удобство и быстрота их реализации. Под влиянием этой потребности имущественные права признаются по общему правилу передаваемыми: они могут переходить от одного субъекта к другому». Что ж, все верно, невозможно спорить с

¹ Коммерческое право: Учебник / Под ред. Попондопуло В.Ф., Яковлевой В.Ф. - СПб., Питер. 2007.

очевидным, но что же, позволено нам будет спросить, доказывает или иллюстрирует это самое «очевидное»?¹.

На определенной ступени развития человеческого общества обязательственные права и обязанности делаются объектами имущественного (гражданского) оборота. При этом явным представляется лишь признание прав и обязанностей объектами гражданского оборота. Факт о признании их объектами гражданских правоотношений не находит должного подтверждения. Можно согласиться с очевидной мыслью о том, что раз объекты оборота – то, значит, и объекты прав), то соответственно это объекты в ином значении, нежели объекты-вещи и объекты-действия, т.е. отнюдь не те традиционные субстанции, от которых отталкивалось и под которые строилось общее учение об объектах гражданских прав и правоотношений.

Подтверждение выводов вышеописанной дискуссии нашло свое отражение в положениях ныне действующего российского ГК РФ, регламентирующего не «переход» и не «передачу» права собственности (передачу вещи – ст. 224 ГК), а его возникновение у приобретателя и прекращение у отчуждателя, в т.ч. у приобретателя и отчуждателя по договору, т.е. производным способом (ст. 223, 235, иначе – п. 2 ст. 218 ГК РФ²).

Крайне любопытна точка зрения Б.Б. Черепахины³, который соединил вопрос о правопреемстве с общего плана теоретической задачей, а именно - проблемой понятия об изменении правоотношения, утверждая, что в учении, о юридических фактах недостаточно внимания уделяется фактам, лежащим в основе изменения правоотношения, в то время как вопросы об основаниях их возникновения и прекращения являются объектом пристального внимания.

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Проспект. 1998. С. 23.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Черепахин Б.Б. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статус, 2012. С. 27.

Вместе с тем, если рассуждать об изменении сути субъективного права, либо юридической обязанности, являющихся составляющими правоотношения, то следует признать, что перед нами – новое правоотношение с другим содержанием. Например, в случае до изменения договора кредита между банком и клиентом было соглашение о возврате всей суммы кредита, допустим, 30 марта 2017 г., а после внесения изменений содержанием соглашения стала обязанность возврата половины суммы до 30 мая, а второй половины – до 30 сентября 2017 г., что, безусловно, подтверждает, что предшествующая договоренность утратила силу. Следовательно, правоотношение, установленное предыдущей договоренностью, также прекратило свое существование, будучи замененным новым правоотношением¹.

В конкретном случае мы не наблюдаем изменения правоотношения. Этот показатель подводит авторов к идее о возможном отсутствии изменения правоотношения как такового. Не есть ли «изменение правоотношения» вывеской, за которой скрывается прекращение одного правоотношения и возникновение другого? А если мы правы в наших рассуждениях и термин «изменение правоотношения» – не более, чем витрина, скрывающая два последовательно происходящих процесса – прекращение одного правоотношения и возникновение другого, то не следует ли предположить, что подобное значение должно быть предано и термину «правопреемство»? на самом деле, соответствует ли данный термин своему реальному значению? Имеет ли место такое явление, как передача (переход) прав?².

Толкование перемены лиц в правоотношениях как прекращения ранее существовавших прав в целях возникновения новых, содержательно идентичных (возникновения правоотношений взамен прежде существовавших, во имя такого возникновения прекратившихся), нивелирует

¹ Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут. 2017.

² Смольков Н.С. Принцип универсальности наследственного правопреемства // Наследственное право. 2007. № 1. С. 19.

в реальности не само правопреемство, а правопреемство в его привычном понимании – априорном, механистическом, а значит антинаучном. На наш взгляд, подобная трактовка не отрицает понятия правопреемства, однако, она единственная разъясняет заложенный в нем юридический смысл.

«Правопреемство» – термин, этимология которого способна подробно отражать суть, либо обозначаемого им понятия, либо неких внешне видимых процессов, являющихся признаками его актуального бытия и дело не в термине (слове, символе), а в том, какое понятие им следует обозначать. Учение о правопреемстве – это наука об особых (производных) способах возникновения и прекращения субъективных гражданских прав и юридических обязанностей – случаях возникновения одних субъективных гражданских прав и обязанностей не «на пустом месте», а на базе других (прекращающихся) прав и обязанностей¹.

Схожесть содержания во многих аспектах нового правоотношения с содержанием ранее существующего не должна вводить в заблуждение, т.к., прежде всего нет никаких условий, которые препятствовали бы возникновению подобных по сути правоотношений одновременно и даже между одними и теми же лицами, не говоря уже о других лицах, сменяющих друг друга с течением времени. Также, невозможно не заметить различие оснований возникновения этих правоотношений.

В рассмотренном примере с кредитным договором первое обязательственное правоотношение возникло из факта предоставления кредитором должнику суммы займа (договора займа). А вот второе обязательство, схожее по своему содержанию и объекту соответствующим элементам первого, не могло бы возникнуть, если бы к договору займа не добавились два новых юридических факта: смерть кредитора и соответственно - открытие наследства и принятие открывшегося наследства

¹ Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016. С. 209.

наследником. Для появления первого правоотношения достаточно одного юридического факта, для возникновения второго – потребовался целый фактический состав, включающий в себя юридический факт, из которого возникло первое правоотношение. И если одно правоотношение не отграничивается от другого ни по своим субъектам, ни даже по основаниям своего возникновения, то в таком случае отсутствуют границы самого понятия о правоотношении как конкретной юридически обеспеченной возможности конкретного лица в отдельно взятой ситуации.

В этом случае понятие правоотношения можно охарактеризовать одним только содержанием, без абстракции, заменяя собой категорию, обыкновенно обозначаемую термином «вид» или «тип» правоотношения. Для обозначения же единичных правовых связей, из которых соответствующий вид или тип складывается, нужно искать новый термин.

Также, и даже более неоднозначно проявляется факт несовпадения правоотношений в случае договорного преемства по обязательствам. К примеру, в случае пассивной делегации кредитор оказывается в лучшем положении после ее совершения, чем до нее, поскольку перед ним появляется новый должник, не знающий о сути и дефектах правового отношения, связывавшего его с предшествующим должником¹.

Основание возникновения правоотношения кредитора с первым должником (например, причинение вреда) вообще может остаться неизвестным новому должнику, на которого первый должник с согласия нового должника и кредитора переводит долг. Правоотношения между новым должником и кредитором оказывается основанными, либо на двухстороннем договоре и односторонней сделке, либо вообще на трех односторонних сделках (приказе старого должника новому заплатить за него долг, просьбе прежнего должника к кредитору обратиться за долгом не к нему, а к новому должнику и требовании кредитора, заявленном новому

¹ Нариманов Э.Н. Предмет как существенное условие договора уступки требования // Юрист. 2008. № 2. С. 23.

должнику). При этом рождается обоснованное сомнение в правильности признания перечисленных обстоятельств основанием перехода прав и обязанностей, а не основанием прекращения одних прав и обязанностей и возникновения других.

Отсутствие схожести среди обязательственных правоотношений, имевших место до наступления оснований к сингулярному правопреемству и правоотношениями, замещающими их после наступления этого основания, особенно сильно проявляется в случае совершения сделок, направленных на уступки части прав и частичный перевод долгов.

Парадокса, подобного математическому закону о неизменности суммы от перемены мест слагаемых в гражданском праве пока еще не открыто. А, следовательно, если даже пренебречь сделками-основаниями сингулярного правопреемства, как элементами фактического состава, нужного для возникновения новых обязательственных правоотношений, то не возможно игнорировать того явного условия, что в результате заключения договоров уступки требования и перевода долга место одного требования или долга может занять совокупность (система) требований и долгов, да еще и принадлежащих разным лицам. Отождествить их с ранее существовавшим требованием или долгом невозможно, даже при самых смелых «допущениях», подобно тому, как не могут компании, образовавшиеся в итоге разделения их правопреемника, быть сведены к последнему.

Критически в адрес суммы теорий «передачи прав – перемены лиц» высказывался В.С. Толстой¹, полагая, что к привычному доводу о том, что права и обязанности, являясь категориями юридическими (идеологическими), не могут передаваться, добавил соображение, согласно которому при передаче вещи нередко вместе с ней переходит и право собственности того содержания, которое оно имело для прежнего собственника, – его элементы могут и возникнуть ниоткуда (к примеру, при

¹ Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юридическая литература, 1973. С. 37.

приобретении вещи от неуправомоченного отчуждателя), и кануть в никуда (например, при приобретении имущества от государства).

Надо думать, стремление попасть в суть категории правопреемства вынуждает затронуть целый ряд гражданско-правовых проблемных аспектов – сделать выбор с общим понятием гражданского правоотношения, переосмыслить концепцию объектов гражданских прав и правоотношений, коснуться проблемы о балансе данной категории с понятием объектов гражданского оборота, обсудить соотношение понятий о передаче вещей и передаче прав и выйти на понятия юридического факта и фактического состава, как тех внешних факторов, которые рассматривают типическую правовую связь, обращая ее в гражданское правоотношение.

Также необходимо заметить, что с устоявшимся в юридической науке представлением о правопреемстве, как процессе передачи прав, непосредственно, сопряжено одно из основных гражданско-правовых понятий, как правило, причисляемых к области учения о субъективном праве - о распоряжении, распорядительном, либо юридическом действии. В большинстве случаев распоряжение рассматривается в качестве составной части (правомочия) всякого субъективного гражданского права, либо содержит своим предметом субъективное гражданское право.

Алексеев С.С. придерживался точки зрения, согласно которой, идея о том, что любое субъективное гражданское право включает в свою структуру, помимо других элементов, еще и такое правомочие, как возможность распоряжения им (субъективным правом). Владелец субъективного гражданского права способен не только реализовать его, но и воспользоваться им, однако способы распоряжения этим правом могут быть разными: правом можно распорядиться, либо напрямую, либо посредством распоряжения его объектом¹.

¹ Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики 1925-1989. - М.: Статут. 2011. С. 133.

Отталкиваясь от данного порядка, согласно которому выходит, что передача вещи – не более, как фактическое действие, выступающее техническим средством для достижения юридического результата – распоряжения правом собственности на конкретную вещь. Распоряжение же представляет собой действие, обладающее своим предметом субъективное право, а не саму вещь, суть которого – юридическое действие, направленное на достижение юридических последствий.

На первый взгляд, можно допустить, что разговор идет о тех последствиях, которые описываются понятием правопреемства, однако, традиционная интерпретация этого понятия не вкладывает в него никакого другого смысла, помимо того, что заложен в обыкновенном описании внешне видимого эффекта распоряжения – перехода права (обязанности), либо перемены кредитора (должника). Категориями «передача» и «переход» прав (правопреемство) не измеряется какой-либо особый вид юридических последствий.

Таким образом, интерпретация распоряжения, предложенная С.С. Алексеевым, никак не соответствует логически этому необходимому условию своей истинности. Это обстоятельство выражается тогда, когда словом «распоряжение» обозначается воздействие, оказываемое субъектом на объект, в то время как само распоряжение, так и его возможность должны быть противопоставлены объекту, быть чем-то внешним по отношению к нему, быть причиной тех изменений, которые будут происходить в объекте под их воздействием¹.

Значит возможность распоряжаться объектом (субъективным правом), элементом (составной частью) которого является сама возможность распоряжения, не соответствует действительности.

Заслуживает всяческой похвалы и поддержки суждение, сформулированное В.В. Байбаком, согласно которому «правомочие

¹ Елисеев С.В. Институт перевода долга в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 20.

кредитора распорядиться своим обязательственным требованием... не соответствует какой-либо обязанности должника, т.е. он не обязан совершать какое-либо конкретное действие, либо воздержаться от определенного действия»¹. Как раз этот, приведенный автором, довод доказывает, что утверждение С.С. Алексеева о том, что правомочие распоряжения входит в состав обязательственного требования, не находит подтверждения.

Если согласиться с тем, что под распоряжением мы подразумеваем исключительно юридическое действие, если принять, что объектом распоряжения являются только субъективные права и юридические обязанности, а также, если отказаться от попыток «модернизации» теории юридических фактов под нужды правопреемства-передачи (перехода) прав или перемены лица, то на поставленный вопрос может быть дан только один ответ: распоряжение субъективным правом и юридической обязанностью подразумевает совершение действий, влекущих прекращение распоряжаемого права (обязанности) у одного лица (правопредшественника) и возникновение у другого (правопреемника) права (обязанности), содержательно идентичных прекращенному, но никак не переход (передачу) права в его неизменном виде и, уж конечно, не перемену лиц в правоотношении. Возможность распоряжения может находиться только вне распоряжаемого субъективного права (юридической обязанности), например, в числе элементов (динамической) правоспособности его (ее) обладателя (носителя). Реализация этой возможности может повлечь ее бесследное исчезновение (уход в никуда, подобно ликвидируемому юридическому лицу), но может сопровождаться и возникновением схожей возможности в составе правоспособности иного лица (правопреемника), аналогично тому, как совершается реорганизация юридического лица.

Таким образом, для обозначения действий прекращения одних правоотношений при условии возникновения правоотношений между

¹ Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского права. - М., 2005. С. 146.

новыми лицами и по другим основаниям термин «правопреемство», понимаемый в буквальном (чисто этимологическом) значении, на самом деле неудачен. Совокупность слов «право» и «преемство» на самом деле навеивает идею о «переходе», «передаче» прав, подобных переходу и передаче вещей, либо о преемстве одного субъекта другому. Но если не видеть в слове «правопреемство» ничего, кроме термина, если подразумевать то понятие, которое в действительности за ним скрывается – прекращение одного субъективного права (юридической обязанности) в целях возникновения другого (другой), содержательно идентичного (идентичной), но в ином лице (в лице правопреемника), то ничего страшного нет. По крайней мере, некая преемственность в содержании субъективных прав и (или) юридических обязанностей действительно присутствует. Именно в этом состоит ценность понятия правопреемства, поскольку охватывает собою случаи возникновения правоотношений (прав и обязанностей) не на «пустом месте», а на базе уже существующих гражданских правоотношений, которые, прекращая свое существование, не обращаются «в ничто» и не уходят «в никуда».

Правомерность такой трактовки термина «правопреемство» подтверждается использованием данного термина римскими юристами¹. Довольно отметить, что само появление этого термина обязано применению римскими правоведами юридических фикций, т.е. конструкций типа «если бы он был кредитором», «если бы он был должником». История римского права демонстрирует, что первоначальным юридическим институтом прекращения одного правоотношения и возникновением другого с подобным содержанием был институт новации. Его разновидностями были новация, производящая изменение содержания правоотношений и новация, нацеленная на изменения не в содержании, а в составляющих элементах, т.е. – субъектах нового правоотношения, по содержанию схожих с предыдущим правоотношением.

¹ Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М.: Издательство «Спарк», 1996.

Глава 2. УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

§ 2.1. Особенности правопреемства при реорганизации юридических лиц

Согласно действующему законодательству реорганизация представляет собой специфический способ прекращения функционирующих и создания новых юридических лиц, помимо ситуаций реорганизации в формах присоединения и выделения, влекущий переход прав и обязанностей от ранее действовавших юридических лиц к вновь возникшим.

В научной литературе реорганизация юридического лица рассматривается как один из способов его прекращения, отличающийся от ликвидации организации наличием правопреемства¹.

Каждая реорганизация сопровождается выходом из гражданского оборота как минимум одного юридического лица, либо существенным изменением положения юридического лица, т.е. возникает проблема о переходе прав и обязанностей к иному лицу или лицам, являющимся правопреемниками реорганизованного лица. При реорганизации юридического лица совершается, либо смена организационно-правовой формы существующей организации (преобразование), либо устранение (слияние, присоединение), либо появляется новое юридическое лицо (разделение, выделение), которое зачастую сопровождается возникновением новой организационно-правовой формы.

При реорганизации в форме преобразования, слияния и разделения происходит прекращение деятельности юридического лица. В случае присоединения и выделения присоединенное юридическое лицо действительно прекращает свою деятельность. При реорганизации в форме выделения происходит расщепление юридического лица, при котором из его

¹ Кафтайлова Е.В., Ручкин О.Ю., Трунцевский Ю.В. Реорганизация юридических лиц (правовые основы): Научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2010. С. 65.

состава обособляется одно или несколько юридических лиц, а само реорганизуемое юридическое лицо фактически продолжает существование и после завершения процесса реорганизации.

Реорганизацию в форме выделения необходимо отграничивать от создания юридического лица путем учреждения вновь, когда созданному юридическому лицу передается значительная часть имущества юридического лица – учредителя или создаваемое вновь юридическое лицо имеет лишь одного учредителя – юридическое лицо¹.

Несмотря на столь явное понимание указанного различия на практике делаются попытки стереть грань между реорганизацией и учреждением вновь юридического лица, для чего нередко используется институт притворной сделки, но в целом арбитражные суды отрицают такой подход как необоснованный. При этом не рассматривается, что реорганизация, по своей природе, не является сделкой, а представляет собой сложную структуру, являющуюся актом правопреемства.

Правопреемство никак не базируется на каком-либо отдельном договоре, а предполагает результат самой реорганизации юридического лица. В соответствии с этим определяющую значимость с целью перехода прав и обязанностей имеет факт государственной регистрации вновь создаваемых организаций. До этого момента переход прав и обязанностей неосуществим, т.к. юридическое лицо – правопреемник еще не создано².

Поскольку реорганизация постоянно сопряжена с имущественным правопреемством между юридическими лицами, при ее проведении существенную значимость заключает вопрос об объеме прав и обязанностей, переходящих к правопреемнику. В следствии реорганизации права и обязанности юридических лиц могут переходить: в полном объеме только к

¹ Аксенова Е.В. Некоторые проблемы правопреемства при реорганизации // Адвокатская практика. 2007. № 4. С 23.

² Трезубов Е.С. Проблема универсального правопреемства поручителя, исполнившего обеспеченное обязательство // Юридический мир. 2015. № 3. С. 26.

одному правопреемнику, в полном объеме, но к нескольким правопреемникам в определенных частях и частично, как к одному, так и к нескольким правопреемникам¹.

Представляет интерес разрешение проблемы о виде правопреемства в случае реорганизации юридического лица.

Опираясь на положения ст. 58 ГК РФ² реорганизацию необходимо относить к случаям универсального правопреемства, поскольку независимо от формы реорганизации правопреемство включает в одинаковой мере, как права, так и обязанности. Как принято, реорганизация юридических лиц может происходить в формах слияния, присоединения, преобразования, разделения и выделения. И если по поводу первых трех универсальный характер правопреемства не вызывает сомнений, то относительно двух последних единая точка зрения на сегодняшний день не имеется.

Так, в частности, М.Н. Илюшина полагает, что при проведении реорганизации в форме выделения имеет место сингулярное правопреемство, поскольку выделяемой организации может быть передана определенная совокупность как прав, так и обязанностей³.

О сингулярном характере правопреемства при реорганизации в форме выделения также свидетельствует С.В. Мартышкин, отмечая, что в данном случае «реорганизованное юридическое лицо сохраняет за собой часть прав и обязанностей, а выделяемой организации может быть передана как определенная совокупность прав и обязанностей, так и отдельное право»⁴.

К такому же заключению приходит и М.Г. Буничева, которая, в доказательство своих слов, утверждает, что при реорганизации в форме выделения «к одному или нескольким правопреемникам (выделенным

¹ Марков П.А. Реорганизация и поглощение: проблемы соотношения понятий // Вестник арбитражной практики. 2011. № 5. С. 11.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Илюшина М.Н. Проблемы правопреемства при реорганизации юридических лиц // Закон. 2006. № 9. С. 30.

⁴ Мартышкин С.В. Понятие и признаки реорганизации юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 29.

юридическим лицам) переходят не все, а лишь часть прав и обязанностей реорганизованного юридического лица...»¹.

Бесспорно, то, что, руководствуясь указанной позицией, к подобным выводам можно прийти и при анализе правопреемства при реорганизации в форме разделения².

На наш взгляд, следует отметить, что подобные выводы в основном базируются, отчасти, опираясь на более разработанное в юридической литературе понятие, что за «эталон универсального правопреемства» принято брать преемство в правах и обязанностях, имеющее место при наследовании имущества умерших граждан.

Безусловно, при наличии определенных точек соприкосновения, случаи универсального правопреемства обладают целым рядом различий, как в сущности, в процессах, в условиях, так и в основаниях возникновения. В этой связи, при названных обстоятельствах будет огромной ошибкой принимать за образец то, что по сути, таковым не является. Помимо этого, следует отметить, что в отдельных ситуациях и универсальный характер правопреемства при наследовании имущества умерших граждан порождает ряд вопросов³.

Преемство в правах и обязанностях при наследовании выполняет задачу их сохранения для гражданского оборота, опираясь на непрерывность прав, переходящих от правопреемника к правопреемнику.

В то время, как универсальное правопреемство, имеющее место при реорганизации юридических лиц, нацелено на сохранение прав кредиторов и обеспечение стабильности гражданского оборота. И поскольку права кредиторов не должны быть затронуты произошедшей реорганизацией, главный упор делается на непрерывность обязанностей и их подкрепление

¹ Буничева М.Г. Правопреемство при реорганизации юридических лиц в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 12.

² Жданов Д.В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Лекс-Книга, 2002. С. 104 - 113.

³ Михайлова А.С. Возникновение и развитие института наследования в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 7.

соответствующими нормативными актами. Иное будет создавать возможности для злоупотребления правом, которое ученые оценивают как форму гражданского правонарушения¹.

Представляется неоднозначной точка зрения, согласно которой, отдельные случаи правопреемства при реорганизации юридических лиц имеют универсальный (общий), а другие сингулярный (частный) характер.

Между тем суды формируют практику, основанием которой является опротестованный нами аспект. Так, согласно одному из дел, арбитражный суд постановил: «Универсальное правопреемство имеет место при реорганизации юридических лиц в форме слияния, присоединения и преобразования, поскольку в этих случаях в результате реорганизации образовывается одно юридическое лицо. В случае реорганизации юридического лица в форме разделения и выделения составляется разделительный баланс, в котором фиксируются права и обязанности, переходящие к вновь возникшим юридическим лицам и остающиеся за юридическим лицом, сохранившим правосубъектность в результате реорганизации. Следовательно, к выделившемуся юридическому лицу не могут переходить все права и обязанности реорганизованного юридического лица, поскольку юридическое лицо, из которого выделяется другое юридическое лицо, продолжает существовать, не утрачивая правосубъектности»².

Из этого можно сделать вывод, что сторонники данной позиции, прежде всего, придерживаются точки зрения о возможности наделения правопреемника реорганизуемого юридического лица, как «отдельным правом», так и «совокупностью, как прав, так и обязанностей». Причем, имеют место, конкретные противоречия, которые заключаются в том, что при использовании формы реорганизации, как выделение, определенные

¹ Чеговадзе Л.А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. 2013. № 2. С. 8 - 11.

² Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25 июля 2016 г. по делу № А66-6438/2015 // СПС «Консультант Плюс».

правомочия остаются у реорганизуемого юридического лица.

В соответствии с этим, выделившееся юридическое лицо стало правопреемником только в части прав правопрédéшественника, что является не универсальным, а сингулярным правопреемством.

На практике возможно столкнуться и с обратной ситуацией, когда правопреемник (т.е. выделившееся юридическое лицо) наделен всем комплексом имущественных прав, оставив реорганизованному юридическому лицу формальный номинал. Следуя приведенной точке зрения, правопреемник уже будет универсальным, так как он получит основной объем актива и пассива реорганизуемого юридического лица.

Подобная ситуация может возникнуть и при реорганизации в форме разделения, когда, к примеру, одному из вновь возникших юридических лиц будет передан только пассив, а другому весь актив реорганизованного юридического лица.

Либо в том случае, если первому возникшему юридическому лицу передадут формальный лимит, а второму, возникшему юридическому лицу - всю фактическую совокупность прав и обязанностей.

На практике имеют место эпизоды, когда вследствие прошедшей реорганизации правопреемник наделяется, на первый взгляд, существенным активом (к примеру, крупный объем дебиторской задолженности), причем, такая задолженность, согласно ст. 266 Налогового кодекса РФ¹ способна отвечать критерию сомнительности, другими словами, никогда не будет погашена в реальности. Таким образом, нередко передается дебиторская задолженность организаций, которые по сути не ведут хозяйственную деятельность. Принимая во внимание, что зачастую институт реорганизации используется для недобросовестных целей, то есть, имеющая целью вывод основных активов, ухода от исполнения взятых на себя обязательств и пр.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.

Например, вполне возможна такая ситуация, когда при реорганизации юридического лица имеет место несоблюдение принципа «справедливого разделения активов»¹, обозначающего, что случившаяся реорганизация несравненно улучшила положение кого-либо из правопреемников по сравнению с иными, тем самым повергла к ущемлению прав кредиторов. Таким образом, даже сам по себе факт итогового равенства пассивов и активов, которыми наделяются правопреемники, не способен указывать о соблюдении принципа «справедливого разделения активов»². Это обстоятельство еще раз доказывает позицию, согласно которой, решая задачу о характере произошедшего правопреемства, невозможно отталкиваться только лишь из количественных характеристик.

Вопреки изложенному соображению о возможности передачи исключительно актива правопреемнику, если даже такое распределение по факту имело место, это никак не обязано избавлять правопреемника (правопреемников) от ответственности по долгам правопреемника.

Поскольку одной из отличительных особенностей универсального правопреемства считается возможность привлечения правопреемника (правопреемников) к ответственности (в том числе и солидарной) по долгам правопреемника, пусть даже и сохранившего свою правосубъектность³.

При универсальном правопреемстве неосуществимо как таковое обособление отдельных правоотношений от иных, отделение имущественного актива от долгов. Другими словами, независимо от формы реорганизации правопреемник всегда приобретает в совокупности как актив, так и пассив. В этом случае немыслима ситуация, которая имеет место при

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2013 г. № 19 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 1.

² Постановление ФАС Поволжского округа от 23 мая 2014 г. по делу № А55-30072/2013 // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 апреля 2013 г. № ВАС-3671/13 по делу № А53-1334/2012 // СПС «Консультант Плюс».

сингулярном правопреемстве, при которой вероятна передача ничем не обремененного права или же «голой», не подкрепленной имуществом обязанности.

В связи с этим представляется ошибочной и ссылка на разделительный баланс, с позиции того, что все другие права и обязанности, не отраженные в нем, остаются у реорганизованного юридического лица, поскольку правопреемства по ним не происходит, несмотря на то, что уже было продемонстрировано, что в ряде случаев разделительный баланс не имеет решающего значения¹.

Для того чтобы оценить характер преемства прав и обязанностей, имеющих место при реорганизации в форме разделения и выделения, необходимо отметить основные признаки универсального правопреемства при реорганизации юридических лиц.

Во-первых, все без исключения случаи универсального правопреемства непосредственно отражены в законодательстве, в соответствии с единым правилом, согласно которому преемство будет сингулярным во всех случаях, если иной характер преемства прямо не изложен в законе. Данное восприятие универсального правопреемства позволит четко отграничить все случаи преемства, которые имеют универсальный характер, что, в свою очередь, устранил возможность расширительного и произвольного объяснения.

Во-вторых, главной характерной особенностью универсального правопреемства является то, что в абсолютно всех аналогичных случаях следует вести речь, в первую очередь, о преемстве имущества правопреемника, в целом, включающей, как права, так и обязанности. Непосредственно по этой причине на правопреемника возлагается наряду с правами и ответственность по обязательствам правопреемника. Подобное совершенно отсутствует при сингулярном правопреемстве.

¹ Трезубов Е.С. Проблема универсального правопреемства поручителя, исполнившего обеспеченное обязательство // Юридический мир. 2015. № 3. С. 28.

Из этого следует, что универсальный правопреемник (правопреемники) вне зависимости от своего желания, от наличия в том нужды, всегда становится носителем не только актива, но и пассива правопреемника.

В связи с этим безотносительно, наличествует ли один правопреемник, либо имеет место наличие сразу нескольких лиц (правопреемников), к каждому из них в связке с активом передается также пассив правопреемника, в том числе и в случае, если прямое указание на это отсутствует.

Таким образом, универсальный правопреемник не может отстраниться от ответственности по обязательствам правопреемника, получив при этом только актив, сославшись на отсутствие прямых указаний на какую-либо обязанность. При универсальном правопреемстве нельзя разделить пассив от актива, поскольку права и обязанности составляют единое целое.

Соответственно, только при универсальном правопреемстве существует принципиальная возможность привлечения универсального правопреемника (правопреемников) к ответственности по долгам правопреемника, в том числе солидарной. Став универсальным правопреемником, лицо принимает на себя конкретный объем обязанностей по долгам правопреемника, а также может быть привлечено к ответственности. Вследствие этого кредиторы правопреемника имеют полное право представить требования об исполнении обязательства, а в дальнейшем и обратиться за защитой нарушенного права в суд, предъявив иск ко всем правопреемникам¹.

Наконец, при универсальном правопреемстве не требуется осуществление дополнительных действий для доказательства преемства в правах или обязанностях, а, кроме того, оно не может быть поставлено в

¹ Определение ВАС РФ от 14 декабря 2015 г. № ВАС-15827/15 по делу № А40-110304/14-78-203 // СПС «Консультант Плюс»; Определение ВАС РФ от 6 апреля 2015 г. № ВАС-3673/15 по делу № А53-1356/2014 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16 апреля 2012 г. по делу № А31-3010/2010 // СПС «Консультант Плюс».

зависимость от иных обстоятельств, связывающих переход с наступлением определенных событий. В связи с этим преемство прав и обязанностей в конкретном случае не связано, к примеру, с наличием на то согласия кредитора по определенному обязательству. Подобного согласия не требуется и в случае, если это предусмотрено условиями договора, кроме того, аналогичные требования не распространяются и на случаи, когда об этом имеются предписания действующего законодательства¹.

На основании изложенного следует признать, что реорганизация юридических лиц в формах разделения и выделения должна относиться к случаям универсального правопреемства, поскольку она обладает основными отличительными чертами, которые характерны исключительно для универсального правопреемства, а именно: единство прав и обязанностей, ответственность по долгам правопреемника и т.п.

Причисление же указанных форм к случаям частного правопреемства приводит, во-первых, к раздроблению форм, в которых может происходить реорганизация, а во-вторых, к размыванию сущности универсального правопреемства, состоящей в главенстве признака единства прав и обязанностей. Иное, как свидетельствует практика, влечет за собой неблагоприятные последствия, в том числе в форме разного рода злоупотреблений, недопустимых с учетом принципа добросовестности.

§ 2.2. Наследственное правопреемство

Наследственным правопреемством именуется единовременный посмертный переход всех частных прав и обязанностей, принадлежавших физическому лицу (наследодателю), к одному или нескольким иным лицам, за которыми по основаниям, установленным законом, признана способность

¹ Трезубов Е.С. Проблема универсального правопреемства поручителя, исполнившего обеспеченное обязательство // Юридический мир. 2015. № 3. С. 31.

к вступлению в соответствующие правоотношения – к наследникам, подлежащим призванию к наследованию. Подобное по сути определение наследственного правопреемства (наследования, наследства) дается всеми без исключения отечественными цивилистами специализированных трудов по наследственному праву¹.

Наследственное правопреемство предполагает правовую форму общественных отношений, складывающихся по поводу безвозмездного получения фактического господства над имущественной массой умершего, соединенного с бременем ее содержания, риском случайной гибели, либо повреждения и иными отягчающими ее факторами².

Главными мировоззренческими характеристиками данной формы необходимо назвать универсальность наследственного правопреемства и его посмертный характер.

Наследственное правопреемство считается частным случаем универсального правопреемства, а именно - посмертным универсальным правопреемством. Из характеристики наследственного правопреемства, как преемства посмертного, естественным образом следует, что о наследственном правопреемстве нет возможности рассуждать без наступления такого юридического факта, как гибель правопредшественника, либо другого обстоятельства, имеющего эквивалентное юридическое значение, а именно объявления гражданина умершим или судебного установления факта его смерти. Только умерший может быть назван наследодателем, поскольку только смерть или приравненный к ней своего юридического значения факт позволяют говорить о наследодателе, наследниках, наследстве, вступлении в силу завещания, наследственном правопреемстве и т.д., одним словом, лишь гибель приводит в действие нормы наследственного права.

¹ Фадеева Т.А. Наследственное право (3-я часть Гражданского кодекса РФ) // Нотариальный вестник. 2012. № 6. С. 43.

² Белов В.А. Наследование и наследственное правопреемство: фактическое отношение и его правовая форма // Наследственное право. 2014. № 1. С. 8.

Понятие наследования как универсального посмертного преемства во всем имуществе покойного появилось далеко не сразу. Так, гражданские кодексы советского периода, регулировавшие наследование, не пользовались понятием универсального правопреемства. «С понятием универсальности неразделимо сопряжено представление о том, что имущество умерших лиц поступает к наследникам в виде своего рода всеохватывающей общности, а это представление было несовместимо с существовавшей в 1918 - 1926 гг. системой раздела имущества умерших между государством и лицами, близкими умершему»¹.

Отсутствовало понятие универсального правопреемства не только в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года, но и 1964 года. Вместе с тем, суждение о наследственном правопреемстве, как универсальном было сформировано еще в Древнем Риме и с тех пор веками широко применялось в качестве наиболее рационального подхода к правовому регулированию одновременно возникающих имущественных отношений самого разного характера и природы. Российская литература по наследственному праву в послевоенный период вновь обратилась к концепции универсального правопреемства².

При этом законное закрепление принцип универсальности наследственного правопреемства приобрел только лишь в положениях третьей части Гражданского кодекса РФ в ст. 1110³.

В отечественной литературе и законодательстве при характеристике наследственного правопреемства, как универсального, устремляется интерес на то, что весь комплекс прав и обязанностей, принадлежавших умершему (его имущество), «...переходит к другим лицам... в неизменном виде, как

¹ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2003. С. 30.

² Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. М., 1953. С. 41.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

единое целое и в один и тот же момент, если из правил Гражданского кодекса не следует иное»¹.

То есть отнесение наследственного правопреемства к уровню правопреемства универсального предопределяется особенностью его объекта – наследственной массой, представляющей собой единство прав и обязанностей наследодателя.

Правопреемство универсально в случае, когда оно является всеохватным, всеобъемлющим, всепоглощающим, все в себя включающим, пандектным, комплексным или системным.

Правопреемство универсально тогда, когда оно затрагивает не тех прав и обязанностей, что произвольно выбраны из всей их общей массы, а самой общей массы прав и обязанностей в целом, системного единства прав и обязанностей, которое, в свою очередь, может предопределяться такими обстоятельствами, как, к примеру, права и обязанности способны образовать целостность в связи с тем, что все они были созданы (приобретены и приняты) в рамках осуществления деятельности определенным лицом, либо за (на) его счет и от его имени; ведения определенного вида деятельности, либо (с) действий для достижения известной цели.

Права и обязанности, рассмотренные в своей системной связи, дают возможность определить действительное правовое положение конкретного лица (в целом или применительно к определенному виду деятельности), подобно тому, как это рассмотрение стоимости актива имущества в системном единстве со стоимостью его пассива позволяет вычислить таким образом чистый актив, т.е. установить уровень имущественной состоятельности частного лица. В случае, если права – это имеющиеся у лица блага, то обязанности – это цена приобретения этих благ.

Объектом универсального правопреемства могут быть права в их действительном виде, т.е. права, обремененные теми обязанностями, которые

¹ Попова Л.И. Универсальное правопреемство при наследовании // Наследственное право. 2012. № 4. С. 7

выступили ценой их получения. Единственный наследник, принявший наследство, вместе со 100% составляющих его прав неизбежно приобретает 100% приходящихся на них обязательств; каждый из двух наследников, поделивших принятое наследство пополам, получит на свои 50% прав еще и по 50% обязанностей и т.д.

Переход прав в неразрывной связи с обременяющими их обязательствами - главная характерная черта всякого универсального правопреемства, в том числе наследственного. Единством объекта универсального правопреемства предопределяются и две его внешние особенности – неизменность объекта правопреемства и то, что переход всех прав и обязанностей исполняется в один и тот же момент, либо любой иной подход допускал бы вероятность перехода всех прав без некоторых обязанностей, либо всех обязанностей без некоторых прав, что противоречило бы существу понятия об универсальности правопреемства.

Так, Карасева Н.И. обратилась в Арбитражный суд Пензенской области с заявлением к ООО «Рыбхоз «Телегинский»» о признании ее участником ООО «Рыбхоз «Телегинский»» с долей в уставном капитале, пропорциональной 12 обыкновенным акциям ОАО «Рыбхоз «Телегинский»», которые Карасева Н.И. получала по наследству от Карасевой Е.Ю.

По решению собрания акционеров ОАО «Рыбхоз «Телегинский»» акционерное общество преобразовано в ООО «Рыбхоз «Телегинский»». При реорганизации общества вопрос об акциях, зарегистрированных на имя Карасевой Н.Ю., разрешен не был.

В соответствии со статьей 1 статьи 1110 ГК РФ при наследовании имущества умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент.

Удовлетворяя требование, суды обоснованно исходили из того, что все права Карасевой Е.Ю., основанные на факте владения акциями ОАО «Рыбхоз «Телегинский»», перешли к ее наследнице Карасевой Н.И.¹

Универсальное правопреемство совершается по волеизъявлению наследника о неограниченном принятии обязанностей наследодателя, т.е. принятие полной ответственности в отношении долговых обязательств наследодателя за счет собственного имущества. Универсальное правопреемство ведет к потере изолированности наследственного имущества, поскольку оно вливается в собственное имущество наследника.

Так, например, Б.М. Бирюков по этому поводу полагал, что постоянный вид при наследовании обозначает, что ни один человек не способен изменить, поменять наследство, что-то добавить, либо, напротив, что-то из него изъять. Наследство обязано оставаться в неизменном варианте до того времени, пока оно по установленной форме, как положено, не перешло к лицам, которые стали наследниками. Моментом универсального правопреемства является время, в которое случилась смерть².

В теоретических исследованиях отечественных ученых подобный вывод об универсальном характере наследственного правопреемства считается доминирующим, тем не менее, не все правоведы придерживаются руководствуясь принципом универсального правопреемства в российском наследственном праве. Так, некоторые ученые обращали внимание на присутствие в наследственном праве России сингулярного и опосредованного преемства отказа получателя (легатария)³.

Руководствуясь тем, что наследственное право фактически регулирует процедуру и границы перехода прав и обязанностей умершего к его наследникам, и прочие, связанные с этим отношения, П.С. Никитюк указывает на некую разрозненность и различный наследственный режим

¹ Определение ВАС РФ от 16.07.2015 № 8895/15// Вестник ВАС РФ. 2015. № 8. С.23.

² Бирюков Б.М. Наследование. Дарение. Пожизненная рента. М., 2004. С. 142.

³ Рясенцев В.А. Наследование по закону и по завещанию в СССР. М., 1972. С. 5-7; Никитюк П.С. Наследственное право и наследственный процесс. Кишинев, 1973. С. 23.

наследственной массы (к примеру, предметы домашней обстановки и обихода и другое имущество), признавая, что наследственное право регулирует «порядок и пределы перехода прав и обязанностей умершего к его наследникам и другие связанные с этим отношения»¹.

Согласно точки зрения касательно данного вопроса А.А. Рубанова, расщепленность наследства на отдельные части говорит о потенциале подчинения различных элементов наследственной массы при наследовании с иностранным элементом законодательствам различных государств².

Так, В.И. Серебровский никак не опровергал универсального характера правопреемства, однако, обращал внимание, что в условиях советской правовой доктрины правопреемство возможно исключительно в отношении прав наследодателя, а не его обязанностей³. То есть согласно его позиции, наследование пассива базируется на императивных нормах законодательства и не имеет универсального характера.

Кроме этого в гражданском праве имеет свое развитие частное или сингулярное правопреемство, в соответствии с которым сингулярный правопреемник приобретает лишь какое-либо одно право, либо группу прав.

Так, по мнению В.А. Егизарова и О.Н. Садикова, новый ГК РФ при наследовании опирается на принцип универсального правопреемства. Универсальное правопреемство в правах кредитора играет не последнюю роль при наследовании, когда кредитором является гражданин, а также в большинстве случаев реорганизации юридического лица. Случаи сингулярного правопреемства могут встречаться как исключения⁴.

Вместе с тем, на наш взгляд, полностью исключать сингулярное правопреемство не следует.

¹ Никитюк П.С. Указ. соч. С. 22 - 23.

² Рубанов А.А. Наследование в международном частном праве. М., 2009. С. 225.

³ Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. М., 1953. С. 41 - 42.

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. О.Н. Садикова. - М., 2006. С. 96, 381.

Так, по мнению А.С. Михайловой, в случаях, если необходимо разделить наследственное имущество, либо оно обременено определенной обязанностью (завещательный отказ, возложение) в пользу третьих лиц, то по отношению к общей массе наследства в подобных ситуациях можно вести речь о сингулярном правопреемстве¹.

Изучение положений и норм раздела V «Наследственное право» ГК РФ² приводит к мысли, что их содержимое на порядок шире названия.

Наряду с общепризнанными нормами о непосредственно наследовании, в нем встречаются правила и о других случаях правопреемства, тоже посмертного, но не универсального, к примеру: различные случаи сингулярного правопреемства, преемство в выморочном имуществе (ст. 1151 ГК РФ), преемства легатарное и модальное (ст. 1137 - 1140 ГК РФ), а также преемства в требованиях выплаты сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию. Следует подчеркнуть, что ни один из приведенных случаев не является правопреемством наследственным.

Во всех перечисленных примерах к другим лицам переходит отдельное имущественное право. Правило о переходе права на принятие наследства установлено для случая, если наследник умер после открытия наследства, не успев его принять в установленный срок. Таким образом его право на принятие причитавшегося ему наследства переходит в свою очередь к его наследникам, поскольку это не универсальное, а сингулярное правопреемство³.

Представляется, что отдельные эпизоды сингулярного наследственного преемства не должны исключать признание универсальности наследственного преемства в целом, поскольку при любом правиле допустимы какие-либо исключения.

¹ Михайлова А.С. Возникновение и развитие института наследования в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 7.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

³ Рубанов А.А. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2014. С. 33 - 34.

Новая интерпретация универсальности абсолютно не нарушает целостность устройства наследственного правопреемства, речь идет о более четком подразделении наследственных правоотношений, возникающих по поводу одного наследства, но по различным основаниям. В рамках определенных правоотношений наследование происходит согласно правилам об универсальности наследственного правопреемства. Все наследники принимают все наследственное имущество как единое целое, возможные долги в составе наследства распределяются между наследниками пропорционально их долям в наследственном имуществе¹.

Подобное представление универсальности отвечает общему для цивилистики принципу диспозитивности, согласно которому, участники гражданских правоотношений без помощи других, по своему усмотрению и в соответствии с собственными интересами осуществляют свою правоспособность, а также принадлежащие им права. Принятие наследства, либо отказ от него обозначает обдуманное участие или отказ от участия в определенных гражданских правоотношениях.

Таким образом, универсальность означает переход как прав, так и обязанностей наследодателя, (помимо тех, которые неразделимо связаны с личностью наследодателя), как единого целого, если наследник не способен избирательно принять те или иные права и обязанности, отрекшись от других. Лимитирование ответственности наследника по долгам наследодателя размером наследственной массы не меняет в данном отношении сути универсального правопреемства.

В этой связи разумно было бы поменять наименование раздела V ГК РФ с «Наследственное право» на «Посмертное правопреемство». Безусловно, ключевую массу его норм, как и ранее, будут составлять нормы о наследственном (универсальном) правопреемстве, однако, вместе с ними

¹ Булаевский Б.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Отв. ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. М., 2014. С. 4.

будут включены и правила об иных, так сказать «особых» сингулярных формах правопреемства посмертного, при этом не наследственного.

В настоящей действительности в судебной практике нередко возникают проблемы, связанные с реализацией принципа универсальности наследственного правопреемства, а именно, при наследовании обязательной доли в наследстве. Опираясь на суждение о том, что обязательная доля и наследование по закону – это своего рода различные основания наследования, наследники зачастую стремятся отказаться от наследования по закону незавещанного имущества, но принять наследство в порядке ст. 1149 ГК РФ, таким образом получив причитающуюся им обязательную долю из завещанного имущества¹.

Данная ситуация обретает свое разрешение в соответствии с положением ст. 1149 ГК РФ о том, что право на обязательную долю удовлетворяется в первую очередь из оставшейся незавещанной части наследственного имущества².

Недостаточное законодательное регулирование понятия «основание наследования» допускает разные варианты его интерпретации, что, в свою очередь, привело к выработке различных точек зрения и отсутствию унифицированной нотариальной практики, касательно вопроса способен ли наследник, отказавшийся от обязательной доли, претендовать на причитавшееся ему по закону незавещанное имущество. Федеральная нотариальная палата не высказала свою правовую позицию, касательно вопроса, может ли наследник, оформивший отказ от обязательной доли в наследстве, наследовать по закону на общих основаниях, полагая по этому поводу, что данная проблема должна решаться в судебном порядке³.

¹ Рассказова Н.Ю. Право на принятие наследства // Закон. 2006. № 10. С. 91.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

³ Официальный сайт небюджетного нотариата РФ // URL: http://old.notariat.ru/text_508_28.aspx.htm.

Не так давно Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что наследник, имеющий право на обязательную долю в наследстве, вправе потребовать удовлетворения этого права, либо наследовать наравне с иными наследниками по закону¹.

Некая неоднозначность возникает и в отношении вариантов принятия наследства наследником, в пользу которого сделан отказ от наследства (п. 1 ст. 1158 ГК РФ)².

Во избежание неопределенности понятия «основания наследования» следует удалить из текста ст. 1152, 1158 ГК РФ открытый перечень таких оснований, а также изменить текст п. 3 ст. 1158 ГК РФ, изложив его в следующей редакции:

«Отказ от части причитающегося наследнику наследства не допускается. Однако если наследник призывается к наследованию одновременно по завещанию и по закону, он вправе отказаться от наследства, причитающегося ему по одному из этих оснований или по всем основаниям.

При призвании наследника к наследованию одновременно в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия наследства наследник может отказаться от наследства, причитающегося ему в порядке наследственной трансмиссии и (или) в результате открытия наследства».

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2015 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

Глава 3. СИНГУЛЯРНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

§ 3.1. Основания сингулярной перемены лиц в обязательстве в системе сделок по современному российскому гражданскому праву

Делегация активная и пассивная, а также цессия активная и пассивная, и, наконец, перевод долгов и прав – вот сделки, которые могут являться основаниями сингулярной перемены лиц в обязательстве. Их исследование позволит продемонстрировать как те или иные характеристики данного института преломляются в необходимые и случайные свойства каждой из конкретных сделок, в целом, а также согласно современному российскому гражданскому праву, определить их место в системе сделок, не только выделив их в одну, либо в другую категорию, отнеся к тому или иному роду сделок, в частности.

Сторонами договора сингулярной сукцессии являются два кредитора – первоначальный и новый. Должник не принимает участия ни в самом этом договоре, и вообще никак не в состоянии на него повлиять (санкционировать, запретить, обусловить и т.д.), поскольку заключение такого договора ни коим образом не затрагивает его имущественного положения.

Сторонами договора интерцессии выступают кредитор и новый должник. Прежний должник также в этом договоре не участвует, как и не имеет к нему никакого отношения, поскольку его заключение влияет на имущественное положение должника достаточно благоприятным образом, освобождая от бремени долга.

Договор о переводе долга заключается между двумя должниками – (первоначальным и новым), однако не может произвести своего главного последствия (замены должника – прекращения обязательства с одним должником и производного возникновения на его месте обязательства нового

с другим должником) без согласия кредитора (п. 1 ст. 391 ГК РФ)¹. ГК РФ в данном случае не отличает согласия (предварительного акта) от одобрения (последующего акта), из чего можно сделать вывод, что кредиторское согласие на замену должника может как предшествовать заключению договора перевода долга (быть согласием в собственном смысле слова), так и иметь форму одобрения уже фактически заключенного договора о замене должника.

Договор о переводе прав – это договор, заключаемый должником с новым кредитором, согласно которому должник принимает на себя долг перед новым кредитором, который идентичен прежнему долгу, прекращаемому этим фактом, долгу перед первоначальным кредитором. Понятно, что подобная операция ухудшает имущественное положение прежнего кредитора, а, следовательно, может производиться исключительно с его согласия или одобрения.

Российская цивилистическая доктрина и действующее гражданское законодательство не содержит ни исчерпывающего перечня прав, в отношении которых допускается их уступка, ни исчерпывающего перечня обязанностей, которые могли бы стать предметом перевода.

Учитывая, что одним из элементов правоспособности является правомочие распоряжения принадлежащими им субъективными правами и юридическими обязанностями, можно подытожить, что, согласно общему правилу, должна считаться допустимой сингулярная перемена всякого лица во всяком обязательстве, по крайней мере, по основанию цессии, либо перевода.

Еще Д.И. Мейер заключил, что дозволенность перемены лиц во всяком обязательстве должна считаться общим правилом, а запрет – исключением, «...которое должно находить себе оправдание в законе»².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Мейер Д.И. Указ. соч. С. 85.

В советский период этот вопрос не рассматривался, и в дальнейшем его практически никто оспаривал.

Достаточно универсальной можно считать позицию, высказанную цивилистами дореволюционного периода нашей истории, согласно которой помимо обоснования возможности передачи всяких прав и долгов «через правоспособность» их носителей, та же возможность обосновывалась и через свойства прав и долгов, как объектов гражданских прав.

Как имущественные права, так и корреспондирующие им имущественные обязанности, следует причислять к категории движимых имуществ. Движимое же имущество всегда признается свободным в обороте, если иного не установлено законом. Следовательно, права требования и долги, как имущество движимое, являются оборотоспособными, если иное не установлено законом.

На сегодняшний день, с учетом положений действующего гражданского законодательства, а также обоснованных выше теоретических концепций, подобное суждение отчасти не оправдано, поскольку ГК РФ, хотя и знаком с категорией движимых вещей, однако не причисляет к ним права и долги, а мы не признаем имущественные права объектами гражданских правоотношений.

В то же время, гражданское право несомненно подогревает теоретический интерес, по крайней мере, для сторонников теории правопреемства - передачи прав и сторонников признания прав объектами гражданских правоотношений (В.В. Байбак, В.А. Лапач, Д.В. Мурзин, В.В. Почуйкин, А.С. Яковлев и др.).

Современная российская судебная практика в подходе к возможности изменения лиц в обязательстве ориентируется больше на древние образцы, чем на потребности современного оборота¹, несмотря на возможность

¹ Абушенко Д.Б. Критические размышления об основаниях процессуального правопреемства в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 19.

достаточно неоднозначного выведения из законодательства общего правила о допустимости сингулярной перемены лиц в любом обязательстве.

Нередко можно столкнуться с мнением, что возможность совершения цессии (приобретения требования по цессии) возможно приурочить лишь к определенным субъектам.

На протяжении достаточно продолжительного периода времени, доминировала позиция, согласно которой для приобретения права требования в порядке цессии обязательно нужно было иметь лицензию на деятельность финансового агента, т.е. специальную правоспособность субъекта, занимающегося финансированием под уступку денежных требований – факторингом.

Договор факторинга «по сути близок к договору возмездной уступки требования», но будучи оставленным без комментариев данное положение на практике легко огрубляется в заведомо неправильный вывод, как «всякая цессия денежного требования за деньги – это факторинг».

Почти в таком (чуть более тонком) виде (цессия денежного требования, возникшего из предоставления кредитором товаров, выполнения им работ или оказания услуг, производящаяся за деньги (финансирование), представляет собой факторинг) этот вывод делается и другим весьма авторитетным в своей области специалистом¹.

Данная точка зрения, с которой сложно согласиться, на наш взгляд ошибочна, поскольку основана на недопустимом смешении понятий об обязательстве и договоре и вытекающей отсюда путанице понятий о перемене лиц в обязательстве с переменной стороны в договоре.

Как правило, договор является основанием возникновения не одного, а целого ряда обязательств, не односторонней, а именно встречной направленности. Ничто, ни характер обязательств (основной, либо акцессорный, ни их направленность не препятствует уступке прав (переводу

¹ Ахмедшина А. Переход прав кредитора на основании договора: правовые нормы и практика их применения // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 4. С. 19.

долгов), как по всем обязательствам, вытекающим из договора, так и по отдельным, в том числе одному из них. Уступка одного из требований при наличии других, хотя бы и встречных, подразумевает замену кредитора по уступленному требованию и не более того; выводить из такой уступки необходимость еще и одновременного перевода на нового кредитора (цессионария) и всех долгов по встречным требованиям нет никаких оснований. Безусловно, так можно поступить, и тогда случится перемена лица во всех договорных обязательствах, либо замена стороны в договоре, но никакой необходимости в подобном поведении нет. Помимо этого, очевидно, чтобы так поступить, недостаточно заключить только договор уступки требований, тут нужен еще и договор перевода долгов по встречным требованиям, который не заменит должника без санкции кредитора - второго контрагента по договору.

Уступка требования – это перемена активного субъекта обязательства, которая ни при каких обстоятельствах не может повлечь перевода долга – перемену обязанного субъекта. Перевод долга не может ни предполагаться, ни вытекать из каких-либо положений договора или его содержания, о нем должно быть четко прописано в договоре.

В подобном случае договор уступки требования приобретет характер смешанного договора, то есть договора, включающего в себя элементы таких различных сделок, как цессии и делегации. Уступив право требования, вытекающее, к примеру, из статуса поставщика (право получения покупной цены поставленных товаров), лицо вовсе не перекладывает на плечи нового кредитора своих обязанностей поставщика, они остаются на нем самом, как на лице, ранее бывшем кредитором, на цеденте. Следовательно, получается, что обязанности по договору исполняются одним лицом, а права по нему принадлежат другому, стало быть, и осуществляются этим другим лицом.

По нашему мнению, совсем неважно, будет ли в соглашении о цессии или в договоре перевода долга сказано прямо, какое именно основание обусловило его возникновение, поскольку на природу его появления это

обстоятельство никак не влияет и в каузальный соответствующий договор не преобразовывает.

Тем не менее, было бы неверно полное игнорирование воли сторон, выразившейся в условии, касательно самого основания совершения данного договора. Достижение договоренности по этому поводу носит принципиальный характер, поскольку для сторон является важным, чтобы соответствующее основание предполагалось существующим и действительным, а другое следует доказывать.

Неоднозначный по своей природе договор с подобным условием приобретает характер договора титулированного и становится чем-то средним между абстрактной и каузальной сделкой, больше тяготеющим к абстрактной, проявляющееся в ограниченном действии титула: его наличность и действительность оказывает влияние только и исключительно на отношения участников договора (старого и нового кредиторов, либо прежнего и нового должников), но не влияет на их отношения с третьим лицом, в договоре не участвующим (должником при цессии требований и кредитором при переводе долгов)¹.

Таким образом, цедент не может, ссылаясь на обстоятельство, что следуемое ему от цессионария по договору уступки встречное предоставление не было получено или было получено несвоевременно, считается недействительным, а впоследствии вообще отпала необходимость требовать возврата уступленного права или принуждать должника уже исполнившего обязательство цессионарию к повторному исполнению.

Подобным образом не вправе поступить и новый должник, не получивший ожидаемого эквивалента от первоначального должника, обязанность которого он принял на себя по титулированному договору перевода долга. В этой связи, должники и кредиторы, даже не участвующие в соответствующих договорах, но заинтересованные в сохранении собственных

¹ Рудик И.Е. О реализации принципа универсальности наследственного правопреемства при принятии наследства и отказе от него // Нотариус. 2013. № 7. С. 14.

интересов, вправе пользоваться дефектами основания титулированной цессии или титулированного перевода, а в отдельных случаях – просто обязаны.

Итак, в соответствии с действующим российским гражданским законодательством, цессия прав и перевод долгов зачастую воспринимаются как сделки, заключенные с указанием их основания, а должны рассматриваться, как сделки абстрактные¹.

Касаемо сделок делегации, интерцессии и перевода прав, не имея специальных законодательных указаний по данному вопросу, нет оснований признавать эти сделки каузальными.

Помимо этого, важно прояснить, являются ли сделки, имеющие своим следствием перемену лиц в обязательстве, реальными или консенсуальными. Подобные сделки априори не могут быть реальными, поскольку их предмет не относится к числу вещей.

Действительно, само название сделок реальными (в переводе от лат. «res» - вещь), подразумевает в узком понимании категории «реальные сделки» - сделки, считающиеся совершенными в момент передачи вещи.

В соответствии с п. 1 ст. 223 ГК РФ передача вещи (владения движимой вещью) признается моментом перехода права собственности на эту вещь². Реальные сделки вычленены из общей массы сделок не только по моменту их заключения, но и по наличию у них распорядительного (абсолютно-правового) эффекта. Понятно, что абсолютно-правовые последствия могут наступать не только в отношении одних лишь вещей: так, перемена лиц в обязательстве, сводящаяся к прекращению субъективного обязательственного права (требования) в одном лице и к производному

¹ Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016. С. 213.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

возникновению на его базе другого требования, также представляет собой распорядительное последствие.

Следовательно, в системе сделок современного российского гражданского права, определяя место сделок по перемене лиц в обязательствах, важно учитывать:

1) все они могут в качестве своего предмета иметь любое обязательство, за исключением прямо установленного ГК РФ или вытекающего из его общих предписаний, причем, как в полном объеме обязательства, так и в любой его части при условии делимости предмета обязательства

2) все эти сделки являются абстрактными, хотя действие их абстрактности может быть сведено к относительному материальному эффекту посредством титулирования сделок

3) все они могут совершаться и как условные и как безусловные сделки

4) сделки делегационные относятся к числу односторонних, в то время как цессионные и переводные – к числу договоров

5) сделки делегации являются сделками реальными, в то время как сделки цессионные и переводные – консенсуальными с точки зрения момента своего заключения, распорядительными (реальными) с точки зрения создаваемых ими гражданско-правовых последствий.

Детально рассматривая вопрос о процессуальном оформлении сингулярного материального правопреемства, одним из спорных моментов можно назвать взаимоотношения между правопреемником и правопродшественником в ситуации отрицания последним оснований для осуществления процессуального правопреемства при обращении правопреемника в суд. В свою очередь, изучая несколько дел, суд разрешил материально-правовой спор о принадлежности права требования в рамках вопроса о процессуальном правопреемстве между цедентом и цессионарием. При этом суд допустил возможность рассмотрения спора в том же самом

процессе, в котором рассматривается основной спор между первоначальными сторонами¹.

Вместе с тем, в судебной практике относительно данного вопроса имеет место и иная позиция.

Так, например, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 15 ноября 2016 г. по делу № А56-35775/2013 не согласился с высказыванием о том, что при рассмотрении ходатайства о процессуальном правопреемстве суд способен самостоятельно оценить основания для его осуществления при наличии спора о его законности.

Суд кассационной инстанции отклонил довод заявителя о том, что суд может самостоятельно при рассмотрении ходатайства лица, полагающего себя правопреемником стороны, решить вопрос о действительности договора уступки права требования, положенного в основу правопреемства².

Из этого следует, что в правоприменительной практике имеют место противоречивые судебные решения по вопросу о возможности рассмотрения спора о принадлежности права между первоначальной стороной и потенциальным правопреемником. Для решения этой задачи важно определиться с тем, может ли разрешение вопроса о процессуальном правопреемстве состоять в разрешении спора о принадлежности права. Невольно возникает вопрос о том, входит ли соответствующее процессуальное оформление в виде заявления о правопреемстве и определения суда о вступлении правопреемника в процесс в структуру распорядительной сделки цессии, являющейся основанием для осуществления процессуального правопреемства. В свою очередь, вытекает зависимость ответа на вопрос о том, является ли отказ первоначального истца в признании цессионария правопреемником на основании договора

¹ Постановление ФАС Московского округа от 13 ноября 2016 г. по делу № КГ-А40/12198-15; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 13 декабря 2016 г. по делу № А33-21668/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15 ноября 2013 г. по делу № А56/35775/2012; Постановление ФАС Уральского округа от 12 февраля 2014 г. № Ф09-3202/14-С6 по делу № А60-19443/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

уступки права требования отказом от исполнения обязательства по передаче права требования.

Если представить, что заявление цессионарием ходатайства о правопреемстве в процессе «входит» в исполнение распорядительной сделки, то оспаривание первоначальным истцом цессии как основания для процессуального правопреемства является отказом от исполнения своего обязательства по передаче права требования. К тому же реализация материального правопреемства происходит одновременно с правопреемством процессуальным, поскольку при подобном подходе материальное правопреемство не может наступить раньше процессуального, в силу того, что обязательство по передаче права требования в материальных правоотношениях не будет исполнено прежде соответствующего процессуального оформления.

При этом следует отметить, что в случае отказа cedentа от исполнения обязательства между ним и цессионарием рождается своего рода спор о праве, не являющийся спором о принадлежности права требования, поскольку субъектом права остается cedent¹.

Рассматриваемый спор возникает из неисполнения договора цессии и может состоять во взыскании убытков в связи с таким неисполнением в соответствии со ст. 393 ГК РФ².

Рассуждая логически, данный вопрос, касательно процессуального правопреемства, не разрешается путем изучения спора о праве. Признание оспаривания правопреемства отказом от исполнения обязательства свидетельствует о том, что единственным средством защиты цессионария будет являться обращение в суд с иском о возмещении убытков в последующем процессе.

¹ Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016. С. 221.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Если же процессуальное оформление не включается в структуру уступки права требования, то обязательство будет считаться исполненным с момента совершения всех действий, предусмотренных в договоре цессии, включая предоставление необходимых документов. Отсутствие процессуального оформления в этом случае никоим образом не говорит об отказе от исполнения обязательства, поскольку в этом случае право перейдет к правопреемнику первоначального истца до обращения в суд с соответствующим ходатайством. Наличие уже исполненного обязательства по передаче права требования означает, что возражения первоначального истца должны рассматриваться в ходе разрешения спора о принадлежности права требования между cedentом и цессионарием.

Согласно общепринятой позиции, процессуальное правопреемство предполагает преемство в материальных правоотношениях, являясь производным от материального¹. Из этого возникает суждение об осуществлении перехода права к правопреемнику до процессуального оформления и дозволению рождения спора о принадлежности права в сложившейся ситуации.

К данному рассуждению можно прийти, руководствуясь нормами действующего ГК РФ, устанавливающего возможность осуществления процессуального правопреемства лишь после перехода права (обязанности) в материальном правоотношении. Таким образом, вышестоящий суд в соответствии с доминирующей точкой зрения считает оправданным переход материального права до процессуального оформления правопреемства в материальных правоотношениях.

В тоже время, по этому поводу существует мнение, согласно которому разрешение вопроса о том, перешло или нет к лицу, с точки зрения действительности и заключенности договора цессии, то право, на котором оно основывает свое требование, невозможно путем рассмотрения заявления

¹ Гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2007. С. 90.

этого лица о процессуальном правопреемстве, оно может быть заявлено им только в самостоятельном порядке путем предъявления соответствующего иска.

Автор аргументирует свою точку зрения, мотивируя тем, что в противном случае в судебном порядке решался бы вопрос о материальном праве этого лица, не привлеченного к участию в деле, полагая, что нельзя рассмотреть вопрос о правах и обязанностях потенциального правопреемника, как лица, не участвующего в деле, в силу того, что оно не обладает какими-либо процессуальными правами.

Помимо этого, процесс может быть «заблокирован» потоком заявлений от не участвующих в деле лиц, каждое из которых заявляло бы о правопреемстве. Исходя из этого, обратиться в суд с заявлением в порядке процессуального правопреемства может только лицо, участвующее в деле, т.е. первоначальная сторона в деле¹.

При подобной трактовке целиком отрицается возможность рассмотрения спора о материальном праве при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве. Сторонники данной теории признают возможность бесспорного осуществления замены стороны в порядке процессуального правопреемства при обращении правопреемника с заявлением.

Также, имеет место мнение, в соответствии с которым, основанием процессуального правопреемства является только согласованное волеизъявление заинтересованных лиц на замену стороны в процессе, причем замена стороны в материальном правоотношении, либо отсутствие такой замены, не оценивается судом при осуществлении процессуального правопреемства. Руководствуясь традиционным подходом, изучая данный правовой аспект, мы не рассматриваем в настоящей работе вопрос о

¹ Драбанич А.В. Правовое значение процессуального оформления сингулярного материального правопреемства: краткий комментарий к судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 16.

возможности отрыва процессуального правопреемства от материально-правовых оснований и полагаем, что данный вопрос представляет собой предмет отдельного исследования¹.

Между тем, тезис, относительно того, что правопреемник не может обратиться в суд, как лицо, не участвующее в деле, нуждается в подробном изучении, касательно того, считается ли право перешедшим к правопреемнику до процессуального оформления. Не вполне понятна позиция, согласно которой не допускается обращение правопреемника с ходатайством о замене первоначального истца с учетом того, что правопреемник может вступить в процесс в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями, так как считает себя субъектом спорного права. Подобная логика порождает конкуренцию процессуальных форм при том, что для решения вопроса о процессуальном правопреемстве предусмотрена специальная процедура, состоящая в рассмотрении ходатайства о процессуальном правопреемстве.

Невозможность для правопреемника обратиться в суд с ходатайством о правопреемстве может быть обоснована только в том случае, если придерживаться точки зрения об отсутствии перехода права требования до вынесения судом определения о правопреемстве, однако, если признать возможность перехода права до вынесения определения о процессуальном правопреемстве, может возникнуть ситуация, при которой цессионарий как обладатель права требования отказывается от вступления в процесс и не становится лицом, участвующими в деле, в то время как cedent уже не является надлежащим истцом в силу того, что право ему не принадлежит.

В связи с этим имеют место сложности, связанные с отсутствием надлежащей формы развития процесса при невступлении в него правопреемника, поскольку прекращение производства по делу невозможно,

¹ Абушенко Д.Б. Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 16 - 21.

так как ст. 220 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ и ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса РФ² не предусматривают такого основания, к тому же не существует никаких препятствий для последующего предъявления правопреемником к должнику (ответчику по первоначальному делу) иска, основанного на уступленном праве требования, что порождает нестабильность правового положения должника.

При включении же процессуального оформления в устройство распорядительной сделки цессии отказ цессионария от осуществления процессуального правопреемства не повлечет за собой указанных трудностей и не будет являться «камнем преткновения» для продолжения процесса.

Несмотря на утвердившееся представление процессуального правопреемства как разновидность материального, на наш взгляд, это не совсем соответствует действительности. Уступка права требования (перевод долга), как предпосылка осуществления процессуального правопреемства и вступления в процессуальные отношения не исчерпывается передачей права (обязанности) в материальных правоотношениях. Таким образом, процессуальное оформление, следует считать дополнительным действием, необходимым для перехода материального права (обязанности) как основания правопреемства в процессе.

Отсюда рождается тезис о том, что возникновение спора о принадлежности материального права (обязанности), являющегося предметом цессии (перевода долга), при обращении в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве в принципе исключается, поскольку возражения первоначальной стороны в процессе расцениваются как отказ от исполнения своего обязательства по передаче права требования (правовой обязанности), а не как оспаривание уже состоявшегося материального

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

правопреемства. В свою очередь, возражения истца по поводу осуществления процессуального правопреемства на стороне ответчика на основании перевода долга расцениваются, как несогласие кредитора на такой перевод.

Резюмируя вышесказанное, считаем допустимым сделать вывод о том, что устоявшиеся представления касательно процессуального правопреемства, как перехода права в материальном правоотношении необходимо пересмотреть применительно к сингулярному материальному преемству с учетом правового значения процессуального оформления в виде обращения с ходатайством о процессуальном правопреемстве и вынесения соответствующего определения судом.

По нашему усмотрению, в действующую практику должны быть включены изменения в плане процессуального оформления в корпус распорядительной сделки цессии (перевода долга), что, в свою очередь, на перспективу, свело бы к минимуму возникновение противоречивых судебных актов, связанных с разрешением разногласий между субъектами при осуществлении процессуального правопреемства.

В подтверждение вышесказанного, ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ необходимо дополнить следующим положением:

«Первоначальная сторона выбывает из спорного или установленного решением суда правоотношения с момента вынесения судом определения о замене стороны на основании сингулярного материального правопреемства.

Суд отказывает в замене стороны на основании сингулярного материального правопреемства при отказе первоначальной или заменяющей стороны от производства замены».

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

§ 3.2. Договор уступки требования (цессия)

Перемена активного субъекта обязательства, другими словами - переход прав кредитора к другому лицу, может произойти, согласно п. 1 ст. 382 ГК РФ, либо по сделке (уступка требования), либо на основании закона.

ГК РФ не уточняет, что за сделка имеется им в виду, однако помещение в скобках после указания на сделку словосочетания «уступка требования» может быть воспринято в качестве наименования данной сделки, хотя, скорее всего, законодатель в данной ситуации имел в виду, указывая цель сделки.

Вне зависимости односторонняя ли это сделка или относится к числу договоров, это должна быть такая сделка, которая непосредственно направлена на достижение распорядительного эффекта – уступку требования, то есть его прекращение у одного кредитора и производное возникновение в другом лице.

Все последующие положения статей главы 24 ГК РФ¹ сформулированы таким образом, что из их содержания прослеживается ориентация на сделку договорного типа. Так, п. 2 ст. 382 ГК РФ указывает, что для перехода к другому лицу прав кредитора не требуется согласие должника, если иное не предусмотрено законом или договором.

Договор сингулярной сукцессии (активной цессии) – это соглашение, в силу которого одна сторона (первоначальный кредитор, cedent) передает другой стороне (новому кредитору, цессионарию) субъективное обязательственное право (право требования) к третьему лицу (должнику, цессионарию), а цессионарий приобретает это право требования.

В различные периоды истории выделялись неоднозначные требования, уступка которых прямо запрещалась законом.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Так, в России до октябрьской революции наиболее известным было предписание о запрещении передачи прав из закладных и заемных писем, обеспеченных залогом недвижимости

В советский период принципиально недопустимой считалась уступка такого требования, которая приводила бы к нарушению принципов планирования, к примеру, требования о поставке продукции, о передаче предприятиями друг другу основных фондов.

Наиболее точное определение позиции по вопросу, касательно о недопустимости уступки того или иного отдельно взятого требования имеет и еще один существенный практический аспект, согласно которому, требования, не являющиеся предметом уступки, не могут быть и предметом залога (п. 1 ст. 336 ГК РФ)¹, а в более широком контексте – и предметом всякого иного обеспечения, реализация которого неизбежно или вероятно связана с изменением субъекта данного требования.

По общему правилу уступка требования, основанного на сделке, совершенной в простой письменной или нотариальной форме, должна быть совершена в соответствующей письменной форме, т.е., простой письменной или нотариальной, согласно ст. 389 ГК РФ, который регулирует вопрос о форме, в которой должна быть совершена сделка сингулярной сукцессии.

Следуя содержанию рассмотренных норм ГК РФ, можно подытожить, что российский законодатель в настоящее время придерживается позиции, согласно которой, форма договора сингулярной сукцессии зависит от формы сделки, из которой возникло уступаемое требование. Такой взгляд можно обозначить термином теория зависимости (формы одной сделки от формы другой), и без преувеличения назвать ее доминирующей в научной цивилистической доктрине.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Конкуренцию теории зависимости может составить позиция, не имеющая специального наименования, в соответствии с которой, форма договора цессии признается подчиняющейся общим правилам ГК РФ, касательно форме сделок и форме договоров.

Приверженцы данной концепции олицетворяли собой время действия ст. 128 ГК РСФСР 1922 г., подчеркивающей, что «уступка требования и перевод долга должны быть совершены, поскольку в законе нет специальных указаний, в форме, установленной для договоров вообще», и тут же следовало «специальное указание»: «уступка требования или перевод долга, вытекающих из договора, совершенного в письменной форме, во всяком случае, должны быть облечены в такую же форму»¹.

Как можно проследить, «теория общего правила», согласно ГК РСФСР 1922 г. оказалась органически соединена с теорией зависимости, в соответствии с которой общие правила работали только тогда, когда речь не шла о требовании, возникшем из письменного договора, т.е. подлежала субсидиарному применению наряду с теорией зависимости.

Допуская возможность совершения договора сингулярной сукцессии в устной форме законодатель, тем самым, предполагает возможным возникновение затруднений в доказывании факта заключения и условий подобных договоров, исключая же такую возможность и допуская только письменную форму договора сингулярной сукцессии, он эти сложности отсекает.

Таким образом, общим законодательным правилом, касательно формы договора сингулярной сукцессии, должно являться правило о письменности его формы, а теория зависимости, в свою очередь, применяться только к договорам уступки требований, возникших из сделок, заключенных в форме, более строгой, чем письменная.

¹ Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016. С. 239.

По причине отсутствия особых законодательных предписаний по данному вопросу следует обратиться к нормам общего характера, содержание которых таково:

1) Несоблюдение простой письменной формы сделки, по общему правилу, не влечет ее недействительности, а только лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (п. 1 ст. 162 ГК РФ), именно это правило и должно применяться в качестве общего, при определении последствий несоблюдения простой письменной формы договора сингулярной сукцессии.

2) Несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность только в случаях, прямо указанных в законе или соглашении сторон (п. 2 ст. 162 ГК РФ).

В отношении именно договора цессии таких случаев в законе не прописано; в отношении же сделок определенных родов и видов необходимо обратить внимание на норму п. 3 ст. 162 ГК РФ, в соответствии с которой устанавливается недействительность внешнеэкономической сделки, совершенной с нарушением простой письменной формы.

Следовательно, договор сингулярной сукцессии, относящийся к категории внешнеэкономических сделок, должен быть совершен в простой письменной форме под угрозой его недействительности.

Кроме того, заслуживает внимания норма ст. 390 ГК РФ¹, допускающая принятие cedentом на себя поручительства за должника перед цессионарием. Нормой ст. 362 ГК РФ установлено, что договор поручительства должен всегда облекаться в письменную форму под страхом его недействительности. Таким образом, договор уступки требования с условием о поручительстве cedента перед цессионарием за должника должен быть совершен в простой письменной форме под угрозой его недействительности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3) Вопрос о том, будет ли недействительным договор сингулярной сукцессии требования из сделки, несоблюдение простой письменной формы которой влечет ее недействительность (например, из тех же самых внешнеэкономических сделок (п. 3 ст. 162 ГК РФ), соглашений о неустойке (ст. 331 ГК РФ), договоров о залоге (п. 2 и 4 ст. 339 ГК РФ), поручительстве (ст. 362 ГК РФ), предварительного договора (п. 2 ст. 429 ГК РФ) и др., должен решаться в положительном смысле, несмотря на отсутствие прямого указания об этом в законе. Другими словами, договоры уступки требования из договоров, для которых законом установлена обязательность простой письменной формы под страхом недействительности, также должны совершаться в простой письменной форме под страхом их недействительности.

4) Несоблюдение нотариальной формы сделки в случаях, когда ее обязательность установлена законом (см. ст. 185, 187, 339, 349, 584, 883, 1124 ГК РФ) или соглашением сторон, влечет ее недействительность (п. 1 ст. 165 ГК РФ). Следовательно, несоблюдение установленного законом правила о необходимости совершения договора сингулярной сукцессии требования, возникшего из нотариально удостоверенной сделки, в нотариальной письменной форме, влечет ничтожность договора сингулярной сукцессии.

5) Несоблюдение требования о государственной регистрации сделки также влечет ее недействительность (п. 1 ст. 165 ГК РФ¹). Иначе говоря, договоры уступки требования из договоров, для которых законом установлена обязательность их государственной регистрации под страхом недействительности, подлежат государственной регистрации под страхом их недействительности, если иное не будет установлено законом (п. 2 ст. 389 ГК РФ).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

В случае, когда требование о государственной регистрации договора есть, но указания на недействительность как последствие его несоблюдения нет, применяется общее правило п. 3 ст. 433 ГК РФ, согласно которому «договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом». Следовательно, если имеет место договор сингулярной сукцессии требования из договора, подвергнутого государственной регистрации, в отношении которого законом не установлено страха его недействительности по мотиву отсутствия государственной регистрации, то такой договор без его государственной регистрации не является заключенным.

Гражданским законодательством установлено, что «уступка требования по ордерной ценной бумаге совершается путем индоссамента на этой ценной бумаге» (п. 3 ст. 146, п. 3 ст. 389 ГК РФ). Буквальное толкование этих предписаний позволило ряду цивилистов прийти к ошибочному выводу о том, что индоссамент - это не более, как особенная форма договора сингулярной сукцессии, так называемая «передаточная надпись».

В действительности же, термином «индоссамент» обозначается не только надпись о сделке, но и, прежде всего, сама сделка, хотя и приводящая к сингулярному обязательственному правопреемству, но с договором цессии ничего общего не имеющая¹.

К сожалению, значительное число современных авторов, не специализирующихся на вопросах теории ценных бумаг, полагают, что индоссамент представляет из себя особую разновидность договора уступки требования, что является неверным суждением.

Содержание договора сингулярной сукцессии (активной цессии, уступки требования), как, впрочем, и содержание всякого договора, составляют его условия, однако российским законодательством не отмечено, какие именно условия являются существенными для наличности и

¹ Шевченко Е.Е. Договор финансирования под уступку денежного требования в системе гражданского права Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. 2008.

действительности договора сингулярной сукцессии, что наталкивает на вывод о том, что единственным существенным с точки зрения закона условием данного договора является условие о его предмете, впрочем, как и для всех договоров, см. об этом ч. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ.

Предметом договора сингулярной сукцессии может быть субъективное обязательственное право или право требования. При разделении предмета обязательства, предметом уступки может быть как полное требование в отношении всего предмета обязательства, так и его часть.

При всем негативном отношении к сделкам уступки частей требования, какое периодически продолжает демонстрировать и поныне российская арбитражная практика, можно отметить, что в уступке части требования нет ничего незаконного или противоестественного, более того, (ст. 384 ГК РФ) говорит о том, что право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права лишь в том случае, если иное не предусмотрено законом или договором, т.е. прямо позволяет кредиторам в их цессионных соглашениях дробить делимые требования в целях их уступки на любое количество частей любого размера - лишь бы наименьшая часть каждого, образуемого таким способом нового требования, не выходила бы за пределы делимости его предмета¹.

Индивидуализация предмета договора цессии может иметь различную степень точности, подобно тому, как денежные купюры можно индивидуализировать, как путем фиксации их серий и номеров, так и помещением их в какой-нибудь кошелек или бумажник, также и с требованиями. Ранее мы приводили пример, когда надлежащая точность в обозначении предмета договора сингулярной сукцессии обеспечивают сведения по числу позиций от пяти до семи, однако на практике нередко

¹ Гаева Я.А. Цессия как абстрактная сделка // Нотариус. 2010. № 3. С. 35.

встречаются случаи, когда оказывается достаточным и меньшее число известных признаков¹.

Например, таковы ситуации, когда предмет договора сингулярной сукцессии формулируется как все требования, возникшие из кредитного договора такого-то между А. и Б., где содержатся определенные сведения только о сторонах обязательственного отношения, содержанием которого являются искомые требования (А. и Б.) и основания их возникновения (кредитный договор такой-то).

Сведения по двум другим позициям определимы из норм указанного кредитного договора и самого договора уступки - по тому, кто выступает в нем цедентом, можно узнать, какой именно комплекс прав (кредитора или заемщика) он передает цессионарию.

Возможно представить себе и ситуацию, в которой предметом уступки является единственное требование, связывающее в момент совершения уступки определенного кредитора с определенным должником, как правило, такие ситуации встречаются в отношениях с участием граждан и, скорее всего, окажутся лишены предпринимательской окраски, например, один коллега перехватил у другого несколько тысяч рублей до получки, один сосед помог другому с ремонтом квартиры, а с оплатой согласился подождать и т.д.

Если никаких иных обязательственных отношений между данными лицами в момент уступки просто не было, то ясно, что о цессии иного требования, кроме одного-единственного, реально существовавшего, речи быть не могло; никакой надобности в какой-то особенной его индивидуализации, нет².

Уступая требование, цедент должен учитывать, что одновременно он уступает и все связанные с ним дополнительные права, обеспечивающие

¹ Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016. С. 245.

² Кораев К.Б. Понятие цессии, суброгации и регресса в гражданском праве России // Нотариус. 2008. № 3.

исполнение, а также право на неуплаченные проценты, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 384 ГК РФ¹).

Позиция о подобном «подразумеваемом» предмете уступки является классической не только в законодательстве и арбитражной практике, но и в цивилистической литературе.

В тоже время, с вышеописанным не следует смешивать случай уступки права требования денежной суммы, хотя бы и возникшее в ходе реализации дополнительного обязательства, но к моменту уступки приобретенное определенное требование, к примеру, требования об уплате определенной суммы штрафа, неустойки или процентов, «набежавших» за определенный период.

Подобные требования вполне могут существовать независимо от других, имея достаточно самостоятельный характер и могут быть «оторваны» от требования основного, подобно тому, как главная вещь не следует за принадлежностью, точно также и уступка дополнительных по происхождению, но самостоятельных по сути прав, не влечет смену кредитора в основном обязательстве².

Иная судьба у акцессорных обязательств с иным предметом (например, из залога, обременения имущества арендного типа или обременения типа security interest), а также - условных денежных обязательств (из договора поручительства, банковской гарантии) и денежных обязательств с неопределенной суммой: права, составляющие содержание таковых, действительно, не могут быть уступлены отдельно от прав, слагающих основное обязательство.

На наш взгляд, содержание уступки, как одного из производных способов возникновения субъективных прав, может быть двояким, понимая под производным способом возникновения обязательственных прав, которое

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016. С. 248.

происходит на базе уже существующего требования и сопровождается его прекращением, т.е. на поставленный вопрос должен быть дан отрицательный ответ.

Если мы говорим о будущем требовании, то следует признать, что в настоящее время обсуждаемого требования еще нет, оно не существует, однако в состоянии отсутствия требования отсутствует и обязательственное правоотношение, в котором могла бы произойти замена кредитора, а, следовательно, отсутствуют и должник, и кредитор, т.е. двое из трех участников операции уступки и один из контрагентов договора цессии (цедент) – кредитор, который мог бы быть заменен. Отсутствие же цедента делает просто невозможным заключение договора цессии.

Данный ответ не объясняет норм п. 6 ст. 340 и п. 1 ст. 826 ГК РФ, согласно которым будущие денежные требования могут быть предметом залога (сделки, с совершением которой связывается возникновение возможности отчуждения заложенного права, причем безотносительно к моменту его возникновения), а также уступки, совершенной в рамках факторинга.

Последний институт никак не может быть списан на особенности отечественного законодательства, поскольку практика уступки будущей дебиторской задолженности с определенными родовыми и видовыми характеристиками не только является общепринятой в мировом масштабе, но и представляет собой характерную черту операции факторинга, выражающую ее суть.

Факторинг - это не просто уступка денежных требований за деньги, а бесперебойное финансирование финансовым агентом основной деятельности клиента, его избавление от проблем, вызываемых платежеспособностью его покупателей и заказчиков. Это обстоятельство заставляет подойти к вопросу о допустимости уступки будущих требований несколько иначе и, в частности, уточнить выведенное выше понятие о производном приобретении субъективных прав.

Вместе с тем распорядительный эффект договора об уступке будущих требований будет обладать своеобразной спецификой, если юридический результат классической уступки (цессии существующего требования) исчерпывается его прекращением в лице cedentia с последующим возникновением в лице цессионария (изменением принадлежности), то в случае цессии будущего требования его необходимым образом предваряет совершенно специфический гражданско-правовой эффект, выражающийся в наделении его контрагентов статусом будущего cedentia и будущего цессионария.

Каждый из участников договора уступки будущих требований становится в состояние связанности по отношению к другому участнику, к примеру, будущий cedentia связывается перспективой неизбежного прекращения субъективного права – предмета договора немедленно в момент его возникновения, а будущий цессионарий – перспективой неизбежного возникновения у него субъективного права – производного по отношению к праву будущего cedentia. Данное состояние взаимной связанности образует содержание совершенно специфического правоотношения и может быть разорвано контрагентами посредством заключения договора, отменяющего договор уступки будущего требования, подобно состоянию связанности, обеспечивающей секундарное право с той лишь разницей, что распорядительный эффект, связанный с переходом требования будет вызываться не действиями по реализации секундарного права, а юридическим событием – фактом возникновения субъективного права¹.

Подобная трактовка замечательно вписывается в предложенное выше понимание распорядительных действий как актов, приводящих к изменению динамической составляющей правоспособности субъектов гражданских правоотношений, однако, все сказанное выше имеет смысл и эффект лишь в том случае, если условия договора уступки будущих требований

¹ Суханов Е.А. Факторинг – новый договор в российском законодательстве // Законодательство. 1997. № 6. С. 11.

сформулированы таким образом, чтобы они позволяли однозначно судить о том, являются ли те или иные возникающие в ходе деятельности его сторон требования предметом уступки или нет, причем уже в самый момент их возникновения (п. 1 ст. 826 ГК РФ).

Это объясняется нормой п. 2 ст. 826, которая постановляет, что денежное требование, уступленное в потенциальном (будущем) состоянии, считается перешедшим к финансовому агенту (цессионарию) именно в момент своего возникновения (если только переход требования не обусловлен каким-либо иным юридическим фактом).

Формулировка данной нормы, на наш взгляд, не дает никаких оснований для так называемой теории непосредственности, т.е. возникновения будущего требования непосредственно у цессионария, минуя cedenta, а в свете п. 2 ст. 826 ГК РФ¹ речь может идти именно о переходе этого права к цессионарию, т.е. о его возникновении у цессионария не ранее, чем таковое возникнет и прекратится в лице cedenta (теория промежуточности).

От уступки будущих требований – прав, к моменту уступки еще не возникших, следует отличать требования, которые в момент уступки уже существуют, но еще не могут быть осуществлены по причине отсутствия необходимых для этого условий, в качестве которых, чаще всего выступает определенный срок, при ненаступлении которого осуществить существующее требование не представляется возможным.

С уступкой таких требований, порой и не осуществимых, но существующих, никаких проблем не возникает, однако к категории будущих такие требования не относятся.

Уступку будущих требований следует отграничивать от других возможных случаев будущей уступки, к примеру, договор будущей уступки,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

требований, которая может иметь своим предметом как будущие, так и ныне существующие ко времени заключения договора требования, но условия которой, таковы, что связывают абсолютно-правовой эффект этой уступки с каким-либо действием или событием, которое может или должно наступить в будущем.

Условие о встречном удовлетворении, эквиваленте, составляющем ближайшую причину уступки требования, в договор сингулярной сукцессии помещать не следует, поскольку он относится к числу абстрактных сделок.

Опираясь на практику, предоставление эквивалента порой предшествует моменту перехода требования, являющегося предметом уступки, или даже происходит до вступления в силу, а то и до заключения договора цессии, т.к. в случае договоренности об обратной последовательности цедент фактически меняет одно право требования на другое, к примеру, сначала у него было требование к должнику (к цессионарию), а после цессии появилось требование об эквиваленте к новому кредитору (к цессионарию).

Понятно, что такой «обмен» имеет смысл в случае, когда цедент уверен в том, что кредитоспособность цессионария более высока, нежели кредитоспособность должника по уступленному требованию. Такого рода договоры практикуются с цессионариями – организациями, «специализирующимися» в области «выколачивания» (взыскания) долгов, вместе с тем, получают распространение такие договоры и у нас, что подтверждает правоприменительная практика Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, отвергающая возможность совершения цессии под условием выплаты цессионарием цеденту того или другого процента от фактически взысканных с должника сумм¹.

¹ Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2014г. № 120 // Вестник ВАС РФ. 2015. № 1.

Следует заметить, что в интересах цессионария потребовать установления в договоре и условия о сроке и порядке передачи ему cedentом документов, удостоверяющих наличие и действительность обязательства, статус cedента в этом обязательстве, доказательства чистоты прав cedента, поскольку, не имея на руках подобных документов, цессионарий не сможет реализовать приобретенных им прав.

В этой связи, очень важно обусловить, чтобы в число документов, подлежащих передаче, входили документы, опровергающие возможные возражения должника, учитывая, что должник не должен страдать от совершения сделки цессии без его участия, а, следовательно, такая сделка не должна ухудшать его положения.

Поскольку нередко бывает сложно предвидеть, какие же именно возражения, касающиеся отношений с cedentом, должник противопоставит цессионарию, так и определить документы, подлежащие передаче cedentом цессионарию, тоже бывает непросто, в этой связи целесообразно убедить cedента прописать в договоре условие, согласно которому, он обязан оказывать цессионарию любую затребованную им помощь в опровержении возражений должника, в том числе предоставлять необходимые документы по мере возникновения такой необходимости.

Со стороны cedента, напротив, вполне разумным и естественным было бы требование о том, что цессионарий, не привлечший его cedента в процесс, завязавшийся из возражений должника, не позвавший cedента на помощь, должен сам принимать на себя бремя всех возникших вследствие этого убытков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное научное исследование позволило сделать ряд выводов, а именно:

9. Явление правопреемства достаточно давно известно российской цивилистике и пришло к нам из римского права. На сегодняшний день сформировалась двойственность подходов к пониманию данного явления. Правопреемство рассматривают как переход прав и как прекращение одного правоотношения и возникновение другого, причем существует дифференциация данного понятия на уровне отраслей права, а также на уровне объекта правоотношения.

10. Существующие концепции позволяют рассматривать понятие «правопреемство», как в широком, так и в узком значении. В широком смысле о правопреемстве, как о юридической фикции допустимо говорить в каждом случае возникновения субъективных прав и обязанностей при переходе имущества от правопредшественника к правопреемнику. В этом случае речь будет идти о преемственности в правах и обязанностях, с методологической точки зрения термин «правопреемство» уместно использовать, как в вещных, так и в обязательственных правоотношениях. В узком представлении правопреемство объединяет производные способы приобретения вещных прав.

11. В гражданском праве традиционно принято подразделять правопреемство на универсальное и сингулярное. Критерием разграничения правопреемства на универсальное и сингулярное выступает объем передаваемых прав и обязанностей, причем объем этот определяется в соотношении к совокупности всех прав и обязанностей. Таким образом, от вида правопреемства зависит решение важных вопросов, связанных, во-первых, с определением судьбы прав и обязанностей, которые подлежат преемству, а во-вторых, с установлением личности правопреемника. Именно поэтому соотношение универсального и сингулярного правопреемства имеет

во многом ключевое значение как для теории гражданского права, так и для правоприменительной практики.

12. Примером универсального правопреемства выступает реорганизация юридических лиц в форме слияния, присоединения и преобразования. Однако в настоящее время отсутствует единство представлений об отнесении реорганизации юридических лиц в формах разделения и выделения также к случаям универсального правопреемства. На наш взгляд, необходимо положительно решить данный вопрос, поскольку такая реорганизация обладает ключевыми особенностями, которые присущи лишь универсальному правопреемству, как-то: единство прав и обязанностей, ответственность по долгам правопреемника и т.д. Отнесение же указанных форм к случаям частного правопреемства приводит, во-первых, к раздроблению форм, в которых может происходить реорганизация, а во-вторых, к размыванию сущности универсального правопреемства, состоящей в главенстве признака единства прав и обязанностей. Иное, как показывает практика, влечет за собой неблагоприятные последствия, в том числе в форме разного рода злоупотреблений, недопустимых с учетом принципа добросовестности.

13. Наследственным правопреемством называется единовременный посмертный переход всех частных прав и обязанностей, принадлежавших физическому лицу (наследодателю), к одному или нескольким иным лицам, за которыми по основаниям, установленным законом, признана способность к вступлению в соответствующие правоотношения – к наследникам, подлежащим призванию к наследованию. Вывод об универсальном характере наследственного правопреемства является доминирующим и в теоретических разработках отечественных ученых, однако далеко не все цивилисты признают проведение принципа универсального правопреемства в наследственном праве России.

14. Ознакомление с нормами раздела V «Наследственное право» ГК РФ показывает, что содержание их несколько шире названия. Наряду с нормами

о собственно наследовании – универсальном посмертном правопреемстве в нем встречаются правила и об иных случаях правопреемства, тоже посмертного, но не универсального. Таково преемство в выморочном имуществе (ст. 1151 ГК РФ) и различные случаи правопреемства сингулярного, в т.ч. преемства легатарного и модального (ст. 1137 - 1140 ГК РФ), а также преемства в требованиях выплаты сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию. Ни один из этих случаев не является правопреемством наследственным.

В свете сказанного выше логично было бы назвать изменить название раздела V Гражданского кодекса РФ с «Наследственное право» на «Посмертное правопреемство». Конечно, основную массу его норм по-прежнему будут составлять нормы о правопреемстве наследственном (универсальном), но наряду с ними достойное место займут и правила об иных, особых сингулярных формах правопреемства посмертного, но при этом не наследственного.

15. Отсутствие четкого законодательного регулирования понятия «основание наследования» допускает различные варианты его толкования, что привело к формированию различных точек зрения и отсутствию единообразной нотариальной практики также по следующему вопросу: может ли наследник, отказавшийся от обязательной доли, претендовать на причитавшееся ему по закону незавещанное имущество.

Неясность возникает и в отношении вариантов принятия наследства наследником, в пользу которого сделан отказ от наследства (п. 1 ст. 1158 ГК РФ). Во избежание размывания понятия «основания наследования» нужно удалить из текста ст. 1152, 1158 ГК РФ открытый перечень таких оснований. Аналогичным образом предлагается изменить текст п. 3 ст. 1158 ГК РФ, изложив его в следующей редакции:

«Отказ от части причитающегося наследнику наследства не допускается. Однако если наследник призывается к наследованию

одновременно по завещанию и по закону, он вправе отказаться от наследства, причитающегося ему по одному из этих оснований или по всем основаниям.

При призвании наследника к наследованию одновременно в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия наследства наследник может отказаться от наследства, причитающегося ему в порядке наследственной трансмиссии и (или) в результате открытия наследства».

16. Устоявшиеся представления относительно процессуального правопреемства как рефлекса перехода права в материальном правоотношении необходимо пересмотреть применительно к сингулярному материальному преемству с учетом правового значения процессуального оформления в виде обращения с ходатайством о процессуальном правопреемстве и вынесения соответствующего определения судом.

Существующая практика должна быть изменена в сторону включения процессуального оформления в корпус распорядительной сделки цессии (перевода долга). Помимо прочего, в этом случае было бы исключено появление противоречивых судебных актов, связанных с разрешением разногласий между субъектами при осуществлении процессуального правопреемства.

С этой целью в ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ необходимо дополнить следующим положением:

«Первоначальная сторона выбывает из спорного или установленного решением суда правоотношения с момента вынесения судом определения о замене стороны на основании сингулярного материального правопреемства.

Суд отказывает в замене стороны на основании сингулярного материального правопреемства при отказе первоначальной или заменяющей стороны от производства замены».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – ст. 445.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
6. Гражданский Кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24 (документ утратил силу).
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

11. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

12. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть 1). Ст. 3431.

13. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

14. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

15. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

Материалы правоприменительной практики:

16. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2017 г. № 17739/16 по делу № А79-3934/2015 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.

17. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.06.2016 г. № 15419/15 по делу № А04-5355/2013 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.

18. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.04.2015 г. № 14140/14 по делу № А27-17017/2012 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2016 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7.

20. Постановление ФАС Московского округа от 13 ноября 2016 г. по делу № КГ-А40/12198-13 // СПС «КонсультантПлюс»..

21. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 13 декабря 2016 г. по делу № А33-21668/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15 ноября 2015 г. по делу № А56/35775/2012 // СПС «КонсультантПлюс»

23. Постановление ФАС Уральского округа от 12 февраля 2014 г. № Ф09-3202/07-С6 по делу № А60-19443/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление ФАС Поволжского округа от 23.05.2014 г. по делу № А55-30072/2012 // СПС «Консультант Плюс».

25. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25.06.2015 г. по делу № А66-6438/2016 // СПС «Консультант Плюс».

26. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16 апреля 2012 г. по делу № А31-3010/2010 // СПС «Консультант Плюс».

27. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.04. 2015 г. № ВАС-3671/15 по делу № А53-1334/2014 // СПС «Консультант Плюс».

28. Определение ВАС РФ от 16.07.2015 № 8895/15// Вестник ВАС РФ. 2015. № 8. С.23.

29. Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2015г. № 120 // Вестник ВАС РФ. 2016. № 1.

Научная и учебная литература:

30. Абраменков М.С. Понятие и сущность наследования // Наследственное право. 2015. № 1. С. 3 - 6.

31. Абраменков М.С., Блинков О.Е. Модели приобретения наследства в наследственном праве зарубежных стран // Наследственное право. 2017. № 1. С. 3 - 6.

32. Абушенко Д.Б. Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4.

33. Абушенко Д.Б. Критические размышления об основаниях процессуального правопреемства в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8.

34. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: Монография. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013.

35. Аксенова Е.В. Некоторые проблемы правопреемства при реорганизации // Адвокатская практика. 2007. № 4.

36. Анохин В., Керимова М. Уступка права требования на основании договора // Хозяйство и право. 2013. № 4.

37. Ахмедшина А. Переход прав кредитора на основании договора: правовые нормы и практика их применения // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 4.

38. Бабаев В.К. Теория государства и права: Учебник. - М.: Юрист, 2013.

39. Белов В.А. Наследование и наследственное правопреемство: фактическое отношение и его правовая форма // Наследственное право. 2014. № 1.

40. Белоотченко Е.А., Балышева О.В. Наследственное правопреемство прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах // Нотариус. 2014. № 2. С. 35 - 38.

41. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). - М.: Деловой двор, 2012.

42. Буничева М.Г. Правопреемство при реорганизации юридических лиц в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.

43. Бычков А. Распределение солидарной ответственности // ЭЖ-Юрист. 2013. № 43. С. 10.

44. Ватников Д.Ю. Развитие теорий о правопреемстве в отечественной цивилистике // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4.

45. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). - М.: Статут, 2014.

46. Гаева Я.А. Цессия как абстрактная сделка // Нотариус. 2010. № 3.

47. Гонгало Ю.Б., Крашенинников И.Б., Миронов И.Б. Актуальные вопросы наследственного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2016.

48. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4 / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2014.

49. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2. / В.В. Безбах, Д.А. Белова, Т.В. Богачева и др.; отв. ред. В.П. Мозолин. – Москва: Проспект, 2015.

50. Гражданское право: Учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. - М.: Статут, 2016. Т. 1.

51. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 618 с.

52. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к разделу V «Наследственное право» части III ГК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2016.

53. Добрачев Д.В. Сингулярное правопреемство в обязательстве как основание изменения гражданского правоотношения // Законодательство и экономика. 2016. № 2.

54. Драбанич А.В. Правовое значение процессуального оформления сингулярного материального правопреемства: краткий комментарий к судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 16-21; № 4. С. 21-25.

55. Елисеев С.В. Институт перевода долга в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. № 3.

56. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. - М.: Статут, 2014.

57. Илюшина М.Н. Проблемы правопреемства при реорганизации юридических лиц // Закон. 2006. № 9.

58. Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. - Л: ЛГУ, 1961. Т.2.

59. Каширский С.С. Универсальный характер правопреемства при реорганизации юридических лиц // Юрист. 2014. № 6. С. 9 - 13.

60. Кафтайлова Е.В., Ручкин О.Ю., Трунцевский Ю.В. Реорганизация юридических лиц (правовые основы): Научно-практическое пособие. - М.: Юрист, 2010.

61. Клык Н.Л. Ценные бумаги как результат эволюции имущественных прав: монография // СПС «КонсультантПлюс», 2010.

62. Кораев К.Б. Понятие цессии, суброгации и регресса в гражданском праве России // Нотариус. 2008. № 3.

63. Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015.

64. Крашенинников П.В. Наследственное право. - М.: Статут, 2016.

65. Ломидзе О.Г. Обязательственные права на вещи // Журнал российского права. 2015. № 10.

66. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. - М.: Деловой двор, 2010. 200 с.
67. Марков П.А. Реорганизация и поглощение: проблемы соотношения понятий // Вестник арбитражной практики. 2011. № 5.
68. Мартышкин С.В. Понятие и признаки реорганизации юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
69. Мейер Д.И. Избранные труд по гражданскому праву. - М.: Статут. 2003.
70. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. - М.: Статут. 2017.
71. Михайлова А.С. Возникновение и развитие института наследования в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.
72. Муромцев С.А. Избранные труды. - М.: Рос. полит. энцикл., 2010.
73. Нариманов Э.Н. Предмет как существенное условие договора уступки требования // Юрист. 2008. № 2.
74. Новиков А.А., Иванова А.И. Правопреемство *mortis causa* при приватизации жилых помещений в судебной практике // Закон. 2013. № 1. С. 89 - 102; № 2. С. 129 - 145.
75. Новицкий И.Б. Очерки гражданского права. - М.: Статут. 2013.
76. Новопашина У.С. Деньги и денежные средства как объекты наследственного преемства // Нотариус. 2016. N 5. С. 24 - 30.
77. Носов Д.В. Правопреемство (Теоретико-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
78. Носов Д.В. Феномен правопреемства в российской правовой системе // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 91 - 97.
79. Панфилло Е.А. Институт выморочного имущества: проблема определения оптимального правопреемника // Наследственное право. 2012. № 3.

80. Печеный О.П. Некоторые вопросы правопреемства по договору поручительства: наследственно-правовой аспект // Нотариус. 2014. № 8.
81. Покровский И.А. История римского права. - М.: Статут, 2003.
82. Попова Л.И. Универсальное правопреемство при наследовании // Наследственное право. 2012. № 4.
83. Римское частное право: Учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. - М.: Юристъ, 2011.
84. Рудик И.Е. О реализации принципа универсальности наследственного правопреемства при принятии наследства и отказе от него // Нотариус. 2013. № 7.
85. Рябокониъ Е.А. Некоторые особенности наследственного правопреемства банковских вкладов по законодательству Украины // Наследственное право. 2014. № 3. С. 43 - 47.
86. Тордия И.В. Уступка права требования в гражданском праве // Налоги (газета). 2012. № 17.
87. Трезубов Е.С. Проблема универсального правопреемства поручителя, исполнившего обеспеченное обязательство // Юридический мир. 2015. № 3. С. 26 - 31.
88. Ходырева Е.А. Предприятие как объект наследственного правопреемства. - М.: Норма, Инфра-М, 2010.
89. Чеговадзе Л.А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. 2013. № 2.
90. Шершеневич Г.Ф. Учебник римского гражданского права (по изданию 1907 г.). - М.: Статут, 2005.
91. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцеv и др.; отв. ред. А.В. Габов. - М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц.